

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВЕТРА

Юлия
Аксёнова

18+

Юлия Аксенова

Повелитель ветра

«Автор»

2025

Аксенова Ю.

Повелитель ветра / Ю. Аксенова — «Автор», 2025

Обстоятельный, наблюдательный, самокритичный дневник Ксении Царевой о любви и мучительном расставании способен силой чувств, заключенных в нем, разрывать тонкую структуру пространства и времени. Это обнаруживает Ярослав Полевой – крупный специалист по психоэнергозащите организаций и промышленных предприятий. Ксения – профессиональный психолог и мастер «жесткого излучения», разрушитель защит, но только шатких, никчемных, ложных. Задача Ярослава – залатать зияющую прореху в энергоструктуре нефтяной компании, где работает Царева. Для этого придется выполнить непривычную ему миссию: вмешаться в судьбы старого друга, упорно зарывающего свой недюжинный парапсихический дар, и незнакомой доселе женщины, чтобы помочь каждому из них исцелиться от душевных страданий, восстановить доверие к себе и самым дорогим людям. Именно в это время в руках Ярослава оказывается могучий древний артефакт, принцип действия которого еще предстоит разгадать. А ключом к тайне артефакта становится дневник Ксении.

© Аксенова Ю., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Дар дождя	8
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлия Аксенова

Повелитель ветра

Пролог

Люба уложила его на широченную софу и сама уселась в изголовье, расставив ноги в легких брючках и установив узкие маленькие ступни рядом с его плечами. “Очень эротично”, – хмыкнул про себя Ярослав.

– Надеюсь, переживешь фамильярность? Так работать удобнее, – объяснила Люба.

“Мысли читаешь?” – с сомнением подумал Ярослав.

– Молодец! Умничка. Сам открываешься, – похвалила Люба. – Если бы не захотел, я бы не прошла: силен.

Ярослав снова довольно хмыкнул – теперь в открытую. Люба ему очень нравилась. Жаль, что судьба не создала их друг для друга: у Любы внуки взрослеют – вон фотография на книжной полке. А на вид и не скажешь!.. И спутник жизни у нее есть: еще одна фотография – в легкомысленном парео с симпатичным мужчиной на фоне экзотического пейзажа.

Добрая знакомая дала Ярославу телефон. После очередного приступа он, в целом здоровый, как бык, способный самостоятельно справиться с любыми трудностями, стал искать, кто мог бы ему реально помочь. Почитал объявления в газетах – не понравилось ни одно. Стал спрашивать друзей и знакомых. И довольно быстро получил ответ. Подруга сказала: Люба на самом деле творит чудеса! Попасть к ней на прием можно только по предварительной записи – чуть не на два месяца вперед! Пока дозвонишься – семь потов сойдет! А если не по адресу, не надо тебе к Любе – то и не дозвонишься вовсе. Ярослав попросил поспособствовать – подруга отказалась: хотя и знакома с целительницей уже лет десять, но общаются они редко, и, что характерно, попадает к давней приятельнице только тогда, когда очень сильно припрет. Давай-ка, дорогой, постарайся сам – уж как повезет!

Ярослав дозвонился с первого раза и три недели спустя к назначенному часу отправился по указанному адресу.

Руки Любы над его головой вздрогнули, неестественно громко щелкнули суставы пальцев. Она на минуту замерла.

– Радиация... Чернобыль? – спросила потом быстро.

– Да, – сказал Ярослав сразу севшим голосом. Он понял, о чем пойдет речь дальше.

– Ничего, – медленно сказала Люба, – ничего, можно. Можно тебе делать детей.

– Правда? – переспросил Ярослав. – Но я генетическую экспертизу...

Экспертиза вынесла Ярославу приговор: велика вероятность врожденных отклонений у ближайших потомков. Ярослав не особенно переживал: перспектива иметь собственных детей казалась ему туманной. Просто запомнил: “Нельзя!” – и жил с учетом этого запрета. Правда, было несколько неприятно оттого, что он вроде оказался не совсем полноценным мужчиной, хотя мог то же, что и другие, если не поболее.

– Наплюй. Можно.

Ярослав промолчал. В таких серьезных вещах он все-таки предпочитал доверять современной науке и технике.

– Ничего в тебе почти не осталось оттуда, – продолжала Люба, – ты хорошо почистился.

Ярослав молчал: воспоминание о катастрофе, как всегда, отзывалось болью, и он просто ждал, когда Люба сменит тему и можно будет отвлечь внимание от незаживающей раны.

Люба тоже надолго замолчала. Только ее горячие маленькие ладони медленно двигались вдоль его тела, время от времени отрываясь и производя резкое сбрасывающее движение, от

которого трещали суставы пальцев и запястий. Женщине приходилось наклоняться все ниже, и Ярослав чувствовал на своем лице ее теплое дыхание с мятным ароматом освежителя.

Наконец Люба поднялась с софы и переместилась ему в ноги, снова усевшись, как турист у костра, и движение ее рук вдоль его тела продолжилось: теперь она исследовала его ноги, стопы...

– Ты здоров, – объявила целительница.

Ее реплика прозвучала неожиданно для Ярослава, расслабленного теплом ее рук и успевшего привыкнуть к молчанию.

– Я знаю, – пожал он плечами. Он прошел все мыслимые обследования в лучших клиниках мира. – А голова-то почему болит?

– Ты позволяешь себе ошибаться.

– Что это значит?

– Ты не прав и догадываешься об этом.

– В чем именно я не прав?

– Ты сам знаешь.

– Люба, посмотри на меня внимательно. Я похож на того, кто играет с самим собой в дурацкие игры? Я могу позволить себе обманываться?

– Ты – честный мальчик, – улыбнулась Люба.

– Вот видишь, – по-новорусски осклабился в ответ Ярослав. – Если б я знал, в чем моя ошибка, не пришел бы. Я сам много чего могу. А вот тут мне твоя помощь нужна!

– Уходи, – внезапно сказала Люба. Вроде бы и беззлобно сказала, но твердо. – Я тебе ничем не помогу. Ты все сам знаешь.

– На колу мочало... Послушай, может, я и знаю где-то в глубине души, но не осознаю. Понимаешь?

– Ну, ты из меня дурочку-то не делай, – доброжелательно проворчала Люба. – Мое высшее образование повыше твоего! Копайся сам в своем подсознании. Я в твои дела не лезу. У меня уже однажды телевизор на куски разлетался, ученая.

Про телевизор Ярослав не очень понял, лишь смутно догадался, но не стал выяснять. Он сел на софе напротив Любы и посмотрел на часы.

– Куда ж ты меня гонишь? – спросил мирно. – Я всего пятнадцать минут у тебя пробыл, а платил за час. Хоть чаем напои.

Люба решительно поднялась и доброжелательно подтолкнула его в спину:

– Давай-давай, катись! Будто ты не знаешь, как такие дела делаются. С тобой пятнадцать минут, а с другим два часа.

– Так ведь под дверью пока никто не скребется, – заметил Ярослав, покладисто выходя в переднюю и наклоняясь, чтобы надеть ботинки.

– Не беспокойся, – рассмеялась Люба, – я найду, чем заняться в оставшиеся сорок минут. – И повторила слегка нетерпеливо: – Иди!

Ярослав послушно покинул уютную квартиру.

– Да, чуть не забыл! – сказал он Любе, провожавшей его до двери отсека. – Моя визитка. Обращайся, если опять... с телевизором что.

– Я больше в такие дела не мешаюсь.

– Мало ли, случайно...

– Типун тебе на язык! Ладно, сохраню. Только ты денег берешь не в моих масштабах.

Ярослав подобрался, вцепился в целительницу взглядом:

– В этом моя ошибка? Дорого беру?

Люба весело вздернула брови.

– Нормально берешь. Твоя работа – врагу не пожелать... – И вдруг добавила задумчиво: – Делиться надо...

– Благотворительностью, что ли, заниматься?

– Не деньгами надо делиться, – пояснила Люба. – Хорошо, я могу тебе немного подсказать. Помнишь, о чем сестра тебе говорила?

Ярослав мысленно аплодировал. Он был совершенно уверен, что не упоминал о сестре в течение всей беседы.

– Люба, я с тобой дружу! Ты ко мне бесплатно приходи, если понадобится.

– Что ж ты мне все беду пророчишь?!

– Да я так, не беспокойся. Ну а о сестре-то... Мало ли что она мне говорила о самом разном.

– Просила о чем-то, – мягко добавила Люба. – Недавно просила.

– Хорошо, – сказал Ярослав, – я подумаю. Спасибо.

Ярослав довольно далеко оставил машину: не хотел петлять в узких дворах. Он уже выбрался на улицу и неторопливо шагал по тротуару, наслаждался весенним скрипом снега, обреченного скоро растаять и бьющим в глаза ярким солнцем самого последнего дня зимы, держа курс на неброский синий капот своего авто. Высокий, атлетически сложенный мужчина средних лет быстро шел навстречу. Он привлек внимание Ярослава целеустремленностью и решительностью походки. Мужчина успел поравняться с Ярославом, почти скрыться из поля зрения. И тут над самым ухом прозвучал густой, басовитый голос: прохожий интересовался, как найти дом номер 121/19б, строение 3. Знакомое сочетание цифр!

– Улица какая? – уточнил Ярослав.

– Да вот эта, по-моему. Сейчас!

Мужчина достал из кармана куртки увесистый ежедневник, открыл по закладке.

– Сокольничья... нет... Сокольского. – Он доверчиво распахнул перед незнакомцем свои записи. – Это же она?

Синим по кремовому в ежедневнике было записано: “Тетя Люба”, а дальше – знакомый адрес. Ярослав, усмехаясь про себя, объяснил, как пройти. Случайный собеседник бодро пошагал дальше, а советчик продолжил путь. Подумал: “Какой парень удачливый! Вычислил, кто подскажет, а то ходил бы по дворам сто лет. Теперь зайвится минут на пятнадцать раньше назначенного. Люба его не выставит, как меня... Пятнадцать минут!..”

Неожиданно Ярослав решил, что, поскольку этот отрезок времени в его плотном графике был отдан походу к целительнице, вполне можно подарить четверть часа самому себе. Он прошел, не поворачивая головы, мимо родного авто и отправился дальше – прогуливаться под ослепительным февральским солнцем.

Часть первая. Дар дождя

А может, я с тобой останусь:
Останусь пеплом на губах,
Останусь пламенем в глазах,
В твоих руках – дыханьем ветра...
«Город 312»
* * *

Ярослав сидел на полу перед камином. Ворсистый ковролин жемчужного цвета уютно охватывал босые ступни и разбегался по всей просторной и почти пустой комнате. Из приоткрытой форточки несло весенней сырой свежестью, стены источали легкий аромат сосновых досок. Ветви молодой рябины громко стучали по перилам широкого балкона: сильный поднялся ветер! Ярослав неотрывно смотрел в огонь. Лучший отдых! Лучшее времяпровождение...

Тихо отворилась дверь; легкой походкой пересекла комнату наискосок хорошенькая молодая женщина. Очень молодая женщина. Девчонка. Хоть на безымянном пальце сверкает обручальное кольцо... Его сестрица. Настька.

Ни кольца, ни плотненькой невысокой фигурки в дорожной одежде Ярослав не видел: он не поворачивал головы от камина, только слышал – угадывал – почти бесшумные шаги.

Твердая, горячая ладонь легла на его плечо.

– Не печалься, Ясик!

Ярослав насмешливо вздернул бровь, глянув снизу вверх на сестру. Грубовато бросил:

– Вот уж мне не до печали!

– Ну-ну, – притворно обиделась Настасья. – Ты еще скажи, что мой отъезд тебя радует. А то мешается под ногами мелкота всякая!

Ярослав потянул ее за руку вниз:

– Садись... мелкота! Посиди на дорожку. Да не особенно радует. За двадцать с хвостом лет я как-то привык, что ты вечно крутишься где-то рядом. Но скучать мне некогда!

– Ты правду говоришь? – с надеждой и сомнением в голосе уточнила Анастасия. – Я так переживаю, что бросила тебя совсем одного. Усвистела черт-те куда, устроила свое счастье, а тебе в этом огромном доме и словом не с кем перекинуться, кроме кошки...

– Словом не с кем перекинуться?! – Ярослав искренно развеселился. – Ха-ха! Знаешь, что будет, если сейчас включить телефон в розетку?!

– Знаю: тебя сразу замучают звонками. По крайней мере, таково семейное предание.

– Кстати, иди, втыкай! Хорош прохладиться, отдохнули.

– А что это ты раскомандовался?!

– Давай-давай! Ты молодая. Зря я тебя растил на утешение в старости?

Анастасия вскочила, подбежала к стене и с громким клацаньем впикнула вилку телефона в розетку. Постояла рядом. Телефон молчал. Сестрица демонстративно прислушивалась, затем вразвалочку вернулась к камину, подбросила полешко в огонь и плюхнулась на ковер.

– И тишина!.. Факир был пьян... – констатировала Настасья.

В это время раздался звонок.

Ярослав коротко и почти не демонстративно вздохнул, поднялся одним движением – так, как будто бы сидел на кончике стула, а не на полу.

– Да!.. – Он перешел на английский: – Да, я буду в оговоренный срок... Это лишнее. Вам совершенно не нужно знать, каким рейсом я прилечу...

Грубоватый, примитивный, хотя и беглый, английский, которым пользовался брат, резал сестре, выпускнице иныа, слух.

– Элементарно. Я позвоню из аэропорта. Вы пришлете машину... Подожду... Вы – тем более... Да. До встречи.

Неподготовленный слушатель, судя по интонациям Ярослава, предположил бы, что тот сейчас в сердцах швырнет трубку на рычаг. Но Анастасия знала: это его обычная манера разговаривать с людьми, особенно когда речь идет о деле. Брат обошелся с техникой аккуратно. Телефон тут же вновь зазвонил. Ярослав внимательно прослушал два звонка и ответил, не дожидаясь третьего:

– Борька, салют!.. Узнал, как обычно, по звонку... Ладно, давай быстро выкладывай: мне некогда, Настьку провожаю. Что там, опять соседи?.. Подпалить?! Но не подпалили же!.. Да все работает как надо, успокойся... Ну, приглашай на шашлыки, обновим... Да хоть на следующий год! Все у тебя там в порядке... Ничего не испортилось... Натку свою меньше слушай. Ты сам, сам приглядишься – и все, что надо, поймешь... Ну, счастливо... Приеду на шашлыки... Когда поджаришь, тогда и приеду. Пока.

– Ясик, – просительно протянула Анастасия, не успел он положить трубку, – ну, научи меня! Я тоже так хочу: “Но не подпалили же!” Научи, я же талантливая девочка!

– Нет, – бросил Ярослав. – Сто раз объяснял тебе, и на колу мочало – начинай сначала. Анастасия не испугалась, но спорить с братом не стала.

– Ясик, ну научи чему-нибудь такому... простенькому, что всем можно.

– Не хочу, – тихо и спокойно сказал брат, опускаясь на пол прямо рядом с телефоном. – Ты именно что девочка талантливая. Ты на простом не остановишься, попрешься куда заблагорассудится. А тебе детей рожать.

Анастасия, отвернувшись, уставилась в огонь. Ее губы тронула веселая и загадочная усмешка.

– Не старайся сделать это в обход меня, – тут же отреагировал на невысказанное Ярослав. – Пока не родишь, я тебя туда не пущу. Ты еще не понимаешь, а когда вяжешься, будет поздно отступать. Роди сначала. Двоих... Лучше троих. Не раньше.

– Тогда мне уж точно нельзя будет рисковать, – заметила Анастасия без надежды выиграть спор.

– Я-то рисковал с тобой на руках, – возразил Ярослав.

– Сравнил! Я не была младенцем! И у тебя не было другого выхода.

– Естественно. Ты начнешь работать до того, как твои дети выйдут из младенчества. Кстати, другой выход всегда есть.

Телефон издал пронзительную трель. Анастасия вздрогнула от неожиданности, а Ярослав вновь не сразу поднял трубку: размышлял аж до четвертого звонка.

– Кто вас ко мне направил?.. Я понял... Не важно... Так... Секунду, дайте подумать... Помолчите!.. Да, я возьмусь... Завтра я занят целый день. Послезавтра уезжаю на неделю. За пределы страны... Нет, это работа, а даже если бы и отдых... Что?! Больше? Но вы же не знаете, сколько мне там... Бесполезный разговор: я не нарушаю взятых обязательств... Что у вас все очень плохо, я услышал... И очень срочно, да. Сегодня... Я готов приехать сегодня. К восьми... Можно управиться за час, а может и пять уйти... Нет, раньше не приеду... Как хотите... Хорошо, договорились. Я слушаю адрес. Не нужно машину: я сам. В семь буду. До встречи.

Ярослав дернул шнур, вновь погружая телефонный аппарат в летаргию.

– Почему ты не заведешь себе автоответчик?

– Сгорит.

– Летишь за границу? Далеко?

Ярослав нахмурился и ответил не сразу.

– Лечу. Далеко.

– Опять Ближний Восток? – не унималась Анастасия.

Он поморщился, кивнул.

– Не хочется ехать?

– Там, наверное, скоро будет война, – сказал он тихо.

– Там будет опасно? Скажи честно!

– Для меня – нет. Не думаю. Прямой угрозы нет. Главное – чисто отработать.

– Но тебя что-то тревожит?

Ярослав прислонился спиной к дощатой, вкусно пахнущей сосновой смолой стене. Ответил мирно, без привычной громогласной жесткости:

– Это крупная корпорация. Тяжеловес. Очень серьезный игрок на нефтяном рынке. Я не могу понять: если бы я не согласился, если бы их нефтяные промыслы остались без защиты, война все равно началась бы или нет? Возможно, она стала бы невыгодной...

Он закрывает ядерные и нефтяные объекты защитными покровами. Он привык считать, что важнее, сложнее и интереснее этого нет ничего на свете. Ярослав знает, что есть и другие, такие, как он. Никогда не пытался выяснить их имен, выйти на мысленный контакт. Действуют такие специалисты, как правило, в интересах своих хозяев. Сам Ярослав никогда не помогал проворачивать сомнительные операции, не отмазывал виновных от суда и тюрьмы. Тем не менее желающих воспользоваться именно его услугами хватало. Оказалось, что многие крупные бизнесмены и в России, и за рубежом очень ценят подрядчиков, имеющих твердые принципы и славящихся своей независимостью: такой человек не за всякую работу возьмется, зато и не обманет, и не продаст со всеми потрохами. Иногда приходилось вступать в открытое противостояние. До сих пор Ярослав выигрывал. Не потому, что он сильнейший “маг” на свете, а потому, что всегда обращался за помощью к самой матушке-земле. И та всегда давала силу, чувствуя, что ее маленький защитник не имеет корысти.

Анастасия решительно покачала головой:

– Братик, это мания величия!

– Я только надеюсь, – продолжал он, игнорируя ее замечание, – что сумею разобраться там, на месте.

– Выбрось эту ерунду из головы. Радуйся, что ты хоть кому-то сумеешь помочь. Ну, я не о толстосумах-владельцах, а о людях, которым угрожает экологическая катастрофа, о природе...

Ярослав нахмурил брови.

– Или откажись от этой работы и не мучайся! – воскликнула Анастасия.

– Это было бы самое правильное. Но ты же знаешь, что я не могу, и огромные деньги тут ни при чем. Я обещал. Однажды и навсегда. Я тебе говорил. Не хочу повторяться.

– Я помню, – ласково подтвердила Анастасия. – Но что-то здесь не так! Иначе ты бы не мучился. Ты бы точно знал, что следует делать, а чего не следует...

– Не в человеческом разумении – точно знать, что следует делать, а чего не следует!

Анастасия задумалась, хотела ответить, но внезапно спохватилась:

– Прости, мне пора. Как обычно, на самом интересном месте!

– Одевайся. – Ярослав поспешно поднялся. – Я отвезу.

– Не надо! Я на автобусе. Не барыня!

– Зачем? Я отвезу тебя. У меня есть время.

– Нет! Я налегке, у меня одна маленькая сумка. Сама отлично доберусь. До автобуса два шага, и он идет прямо до вокзала. Ты еще не забыл, как ходят автобусы? – голос сестры стал резким.

– Я не забыл, – осторожно произнес Ярослав.

– Прости, я не люблю рубить хвост по частям. Сейчас распрощаемся – и все, и я уже в дороге. А то еще в машине грустить, на вокзале рукой махать... – Голосок дрогнул, Анастасия улыбнулась. – Тоска! Ты понимаешь?

– Да, – механически подтвердил Ярослав, которому стало, честно говоря, совсем не до тонких движений сестриной души, и дружелюбно подтолкнул девчонку в спину. – Давай катись, раз такая независимая: опоздаешь!

Через несколько минут он спустился на первый этаж, в прихожую, где Анастасия уже повязывала шарфик. Подал ей щегольское кожаное полупальто, которое – среди множества других полезных и красивых вещей – осенью подарил на свадьбу. Ему было приятно, что сестре нравится одежда, которую он ей покупает, что она с удовольствием носит большинство подаренных им вещей. С ее самых малых лет брат одевал и обувал Настю сам. Умение выбирать лучшее из того, что можешь себе позволить, строгий мужской взгляд на одежду и способность потрафить девичьему, а потом и женскому вкусу ему привил дядя Гриша, который никогда не ленился помогать мальчишке-соседу делом и советом.

– Да! Тебе от дяди Гриши привет! – Анастасия плюхнулась на пуфик, собираясь шнуровать ботинки.

– Спасибо! Виделась с ним?

– Вчера. Ты работал допоздна – забыла рассказать! У него такой безразмерный обеденный перерыв – очень удобно! Он меня суши кормил. Вкуснотища! Жалко ты рыбу не любишь!

– Я понял намек. В следующий раз приедешь – будут тебе суши! Как Гриша? Сто лет с ним не общался!

– Я хотела с тобой поговорить о нем. – Анастасия выпрямилась, ботинок остался недошнурованным. Взглянула на часы. – Есть время!.. Мне не понравилось, как он выглядит. Как всегда, аккуратен, элегантен. Но бледненький какой-то, серенький. Поседел сильно. Ну, я не знаю, может, не сильно, но заметно стало. Раньше у него только виски были пегие. Еще одет был в серый свитер, серые брюки...

– Постарел на вид?

– Я бы не сказала. Он скорее усталый. Мне показалось, что мы немножко натянуто общались: он как будто через силу со мной разговаривал, шутил.словно я совсем чужая и ему не до меня, но надо изобразить радушную встречу.

– Ты выросла, – соскочило у Ярослава с языка. Он задумался; сестра непонимающе молчала. Ярослав предпочел бы не продолжать, но было поздно: Настька всю душу вытрясет, выясняя, что он имел в виду.

– Дядя Гриша любит детей. Девчонок и мальчишек. Юная барышня на выданье – тоже, считай, еще ребенок. А вот ко взрослым молодым женщинам он относится настороженно.

– Правда?

Ярослав пожал плечами: он сам только что понял это.

У Анастасии на глаза навернулись слезы.

– Ты хочешь сказать, для нашего дяди Гриши я теперь – чужая взрослая женщина?! А я по-прежнему чувствую себя рядом с ним ребенком... С ним так уютно быть маленькой!

– Зато представляешь, как он будет нянчиться с твоим ребенком, когда ты привезешь малыша к нему на дачу? – попытался утешить Ярослав.

Слезы мгновенно исчезли.

– Какого малыша, Ясик? Такого еще и в проекте нет!

– Появится же когда-нибудь... в проекте, – не смутился Ярослав.

Его сестра нежно улыбнулась оконному проему.

– А о чем я хотела тебе сказать?.. Да, вот! Ну ладно, натянуто пообщались: давно не виделись, я – взрослая, окольцованная... Но он правда такой бледный, печальный, утомленный. Ты бы выяснил, все ли там в порядке со здоровьем! Может, надо помочь?

– Нашла о чем беспокоиться! Григорий очень внимательно относится к своему здоровью!

– Ну а вдруг что-то не в порядке, и он об этом знает, просто мне не сказал. Он такой замкнутый!

– Вот и не лезь человеку в душу, раз он не хочет! – Ярослав ответил миролюбиво, просто выражений по привычке не выбирал.

– Ясь, ты что-то знаешь?!

Ярослав с досадой уставился в окно.

– Вот приставала! Угомонись! Здоров твой обожаемый дядя Гриша, сто лет еще проживет! Очередные проблемы в личной жизни. Не новость для него, как ты понимаешь. Прекращай допрос! Ты знаешь, я этих вещей не люблю и не делаю. И секреты не мои. Все, завязывай шнурки: тебе пора!

Он обычно легко и непринужденно – даже слишком откровенно – обсуждал с сестрой вопросы взаимоотношений мужчин и женщин, любые вопросы физиологии; для них не существовало запретных тем. И поступал так не от цинизма, а оттого, что считал все это естественным и интересным. Юношескую застенчивость он растерял еще до своих первых сексуальных опытов, ухаживая за тетей Варей и за сестрой. Но к Григорию – к дяде Грише – он относился с тем же детским пиететом, что и Анастасия. Обсуждать с кем бы то ни было характер и личную жизнь старшего товарища казалось ему хамством – в библейском смысле этого слова.

Он крепко прижал Настю к груди на прощание. Ещё раз молча присели на дорожку, потом троекратно расцеловались. Ярослав с облегчением взялся за вертушок замка.

– Ну, счастливо оставаться, братик! Я буду по тебе скучать! – сообщила Анастасия не без дрожи в голосе.

– Скатертью тебе дорожка! Мне скучать будет некогда, – по привычке поддразнил Ярослав. – До свиданья, сестра! – Он через силу улыбнулся. – Здравствуй, мигрень! – добавил, защелкивая дверной замок и прижимая ладонь к коротко стриженной макушке.

Он неторопливо поднялся в свой любимый каминный зал на втором этаже. По дороге несколько раз громко позвал: “Кис-кис!” Но ничто, кроме его голоса, не нарушило тишины пустого дома. Ярослав подложил еще поленьев в затухающий уже каминный огонь и со стоном улегся ничком на пол прямо посреди комнаты – головой к огню, лбом на скрещенные руки, носом в мягкий ворс ковра. Только теперь в комнату бесшумно прокралось существо нелепого и трогательно-беззащитного вида – с голой сероватой кожей, морщинистой тонкой шеей и безупречной фигурой ожившей египетской статуэтки. Почувствовав приближение зверя, Ярослав снова тихонько застонал.

Кот деловито подошел прямо к голове хозяина, не мешкая плюхнулся рядом на пол и, привалившись горячим замшевым боком к его макушке, закрыл зеленые, слегка навывкате, глаза.

– Давай, Скинхед, помогай! – распорядился Ярослав. – Два часа у нас с тобой есть.

Долгое время человек и кот лежали совершенно неподвижно. Кот не натаптывал себе лапами гнезда и не урчал. Ярослав вначале охал, жалуясь самому себе на нестерпимую боль, потом замолчал. Минут через сорок он высвободил затекшую руку и попытался отпихнуть кота:

– Достаточно, Скинхед, иди.

Кот вновь придвинулся вплотную к хозяину.

– Брысь! – Ярослав пихнул животное сильнее.

Кот упрямо вернулся на прежнее место. Ярослав сел, схватил Скинхеда обеими руками и с размаху швырнул по направлению к двери.

– Брысь, пошел отсюда! – прикрикнул угрожающе. – Обожрешься, дурень!

Кот обиженно крикнул, приземляясь на ковер, и помчался от греха подальше прочь: послышался топот его лап по деревянным ступенькам. Ярослав вновь вытянулся на полу – на сей раз на спине...

Он поднялся около семи. Сборы, включавшие несколько силовых гимнастических упражнений, душ, выкладывание из банки корма в кошачью миску, переодевание в очень

стильный и современный деловой костюм с рубашкой и завязывание галстука, заняли ровно двадцать минут. Майское солнце уже чиркало по верхушкам деревьев и разгоралось лихорадочным румянцем, предвкушая радости ночлега.

Чистенькая, свеженькая – без единой царапины – и неприметная темно-синяя иномарка мгновенно пробудилась, моргнула желтыми глазками хозяину. Приветливо заурчал заведенный на расстоянии мотор. Ярослав стремительно распахнул ворота и нажал очередную кнопку на брелке. Машина аккуратно выкатилась прочь. Не снижая темпа, Ярослав свел створки ворот, в очередной раз посетовав, что до сих пор не собрался поставить автоматику. Наконец, звякнув ключами, запрыгнул в салон и принялся лавировать между глубоких луж разбитой за зиму дороги.

Без потерь добрался до автомагистрали. Над Москвой, как обычно, стояло нехорошее грязно-серое марево. Румяный солнечный диск безвременно утонул в его глубинах, и взору представал неприятный слепой закат: красный сполох в серой стене. Шоссе обрамлял привычно гнетущий урбанистический пейзаж. А в небе Ярослав обнаружил причину того острого приступа головной боли, который еще давал о себе знать сдавливанием в висках и некоторой тусклостью, как бы притупленностью зрительных ощущений. Со стороны, противоположной той, где солнце делало последнюю попытку послать свой привет жителям замурованного смогом мегаполиса, стремительно надвигалась огромная черная туча. Будет ливень! Наверное, с грозой.

Хорошо это для работы или плохо, прикинул Ярослав? Трудно сказать. Вода очищает, но она же и смывает следы. Влага наполняет атмосферу свежестью, но делает ее более вязкой и тяжелой. У каждого явления на свете есть обратная сторона, а работа есть работа, чем бы ни потчевала нас матушка-земля.

Ярослав порадовался тому, что отговорил Анастасию возвращаться в Минск самолетом и что она не упрямилась. Иначе проторчала бы минимум полночи в аэропорту. Рейсы обязательно задержат, народу набьется. А она одна, для нее место поддержать некому. Только встанешь прогуляться до туалета – сиденье тут же займут. Майся потом на ногах или сиди на холодном полу...

Шквалистый порыв ветра пригнул деревья, гулом прибоя ударил в бок машины, лизнул лицо, просочившись в щель приоткрытого окна. Еще минута, несколько крутых виражей – и шумное движение Кольцевой смешалось со звуками приближавшегося разгула стихии.

Опасный ветер, нехороший ветер! В такую погоду яхтсмены сворачивают паруса и стараются быстрее оказаться в тихой гавани. Ярослав благодаря Грише немного в этом разбирался. Во всяком случае, ветреная погода всегда вызывала у него воспоминания о походах по рекам, водохранилищам и финским озерам, о строительстве лодок, да много о чем приятном и дорогом...

Григорий Степанович Матвеев появился в их с сестрой жизни сразу после того, как свершились самые страшные в ней события.

Родители покоились в свинцовых гробах уже более года, только что скончался опекун. Тетя Варя, приемная мать, гонимая той же неодолимой силой, шла к могиле, и Ярослав забрал от нее Анастасию, чтобы уберечь девочку от вида приближающейся смерти. У дочери опекунов была своя маленькая квартира в Москве. Там временно приютили сирот. Больше податься им было совершенно некуда. Помог врач, который лечил и родных, и приемных родителей Ярослава. Он владел на правах наследства вместе с многочисленным кланом родственников огромной генеральской дачей на Тишковском водохранилище. Среди целого гектара густого леса, помимо громадного двухэтажного хозяйского дома, были во множестве разбросаны летние и гостевые домики, жилища для прислуги, сарайчики, бани. Потомки советского генерала жили довольно замкнуто, и все же некоторые строения сдавали надежным, проверенным и тихим дачникам. Врач не распространялся о том, каким образом уговорил свой клан взять в

жильцы двоих безнадзорных детей. Он без обиняков поставил условия: вести себя скромно, прилично, не приводить шумных гостей и по мере сил помогать по хозяйству. Справедливо. Ярослав помогал активно, причем с удовольствием. Компаний не водил; Настя вела себя тихо и послушно – так что всех все устраивало.

Соседний с тем помещением, где жили брат и сестра, домик как раз и снимал Григорий Матвеев, которому тогда было тридцать с небольшим. Григорий жил затворником, с окружающими почти не общался, хотя если уж вступал в беседу, то вел ее легко и непринужденно. Изредка к нему приезжали один или двое друзей. Высокий, худощавый, Григорий Степанович слегка сутулился, и от этого на первый взгляд казался интеллигентным задохликом. Второй взгляд – когда сосед переодевался по-дачному в майку и шорты – выхватывал хорошо развитую мускулатуру рук и ног, выдававшую серьезную спортивную подготовку. Необычного пепельно-русого окраса волосы были подвергнуты весьма искусной модельной стрижке. Серые глаза смотрели внимательно и холодно, даже когда сосед широко, приветливо улыбался. В целом его внешность и манеры можно было назвать аристократичными. Узкое лицо, длинный, слишком крупный прямой нос, короткие пшеничные усики и губы, часто сложенные в ироничную гримасу, делали Григория Степановича удивительно похожим на знаменитого пародиста Александра Иванова.

Он приезжал на выходные и ни минуты не сидел без дела: плотничал, занимался плаванием, бегом, ездил на соседние Пестовское, Пироговское водохранилища – тренироваться и участвовать в парусных регатах. Когда Матвеев плотничал на открытом воздухе или спешил куда-то по своим делам, его сосредоточенное, замкнутое лицо казалось Ярославу то ли мрачным, то ли брюзгливо-недовольным, и он первое время сторонился соседа, боясь вызвать раздражение и необоснованные жалобы платного жильца.

Однако Григорий сам пошел на контакт. Стал расспрашивать Ярослава о его прошлом и настоящем, причем довольно быстро вытащил все подробности нынешней жизни и трагического прошлого. Сев рядом и обняв за плечо, он однажды спокойно дал Ярославу выплакаться, когда разговор коснулся самой горькой темы. И вскоре превратился из Григория Степановича в дядю Гришу. Ярослав заметил, что дядя Гриша легко и радостно занимается с маленькой Настей: то приобщает девчонку к своим спортивным увлечениям, то распекает с ней дуэтом под гитару песенки из мультфильмов. Много времени он не проводил с ребенком: уставал от выполнения воспитательской функции. Но тихая девочка не докучала соседу, не выклянчивала внимание – только смотрела с обожанием и нетерпеливо ждала выходных.

Чем больше общались, тем чаще внимательный к мелочам Ярослав ловил на себе и на сестре взгляд дяди Гриши, далекий от его обычной улыбчивой маски. В такие моменты лицо молодого мужчины выражало боль и тоску, а порой он отворачивался, скрывая гримасу ненависти, и быстро уходил к себе в дом. Долгое время Ярослав наивно полагал, что Григорий так близко к сердцу принимает их с Настей беду.

Вскоре Ярославу исполнилось восемнадцать, и он сразу стал хлопотать об опеке над сестрой. Тогда в подобных случаях вопросы опеки обычно решались мягко, но ему не повезло: чиновники не торопились доверять жизнь и воспитание ребенка мальчишке без кола и двора, без профессии, надежного заработка и жизненного опыта и, скорее всего, без царя в голове.

Григорий поддерживал Ярослава: какой может быть детский дом?! Узнав о возникших трудностях, он развил бурную активность. Оказалось, что у него обширные связи в различных министерствах и ведомствах, потому что прежде, до недавнего своего ухода в бизнес, он работал в престижной госконторе. Благодаря вмешательству Матвеева дело в конце концов уладилось.

Григорий пригласил юношу в свой домик, налил ему и себе коньяку – скромно отметить успех.

– Дядь Гриш, – спросил захмелевший с непривычки Ярослав, – почему вы с нами так возитесь? Разве вам интересно с Настюхой и со мной?

– Мне с тобой интересно, Ярослав. Я тебя уважаю! – ответил не менее хмельной от гораздо большей порции спиртного сосед. – Ты – сильный мужик, порядочный, бесстрашный! Мой сын таким же растет!.. Давай вот что... Пора нам на “ты”.

Они незамедлительно выпили на брудершафт, и Ярослав принялся старательно следить за речью, чтобы в ней не проскочило больше словечко “дядя”, потому что Григорий пообещал на это обидеться.

– Ты ведь знаешь, Ясь, что у меня сын есть?

– Нет, откуда?!

– И дочка. Но она еще маленькая совсем. Меньше Насти. Нет... Ну как же меньше?! – Он со стоном опустил голову на руки, будто бы мучительно соображая. А когда поднял голову, глаза его были мокрыми. – Она ровесница твоей доч... твоей сестре. Просто я ее давно не видел...

– А сыну сколько, дя... Гриш?

– Сыну тринадцать... Уже четырнадцать.

– Тебе не дают встречаться с ними?

– Они в Австралии живут. Жена... бывшая...

Григорий попытался что-то с силой выпихнуть из горла, но не сумел. Рот сжался, и глаза налились ненавистью. Он долго смотрел прямо перед собой, и шевелил губами, и сжимал кулаки. Когда лицо его немного смягчилось, Григорий обернулся к Ярославу:

– Больше не спрашивай меня об этом. Больная тема!

С тех пор Ярослав перестал обращать внимание на разницу в возрасте между собой и Григорием и наконец понял, что тот давно уже относится к нему как к равному.

Потом Матвеев несколько раз помогал Ярославу устраиваться на работу. Они вместе искали большего заработка, лучших условий и перспектив. Несколько летних сезонов прожили бок о бок на генеральской даче. Зимой Ярослав снимал комнату в Москве, чтобы Настя могла ходить в школу. Григорий к себе не позвал: жил с родителями, потому и бежал из дому на дачу каждые выходные – что в ливень, что в мороз. Материально Григорий помогал, только когда становилось совсем туго: большую часть заработка посылал в Австралию на воспитание собственных детей. Ярослав всегда возвращал долг. Зато зимой они частенько вместе катались на лыжах, а летом – на парусных досках и махонькой яхте, которую Гриша построил собственными руками на глазах юных соседей и при их восторженном участии.

Григорий уговаривал Ярослава идти учиться в институт, но в начале девяностых высшего образования вовсе не требовалось, чтобы сделать карьеру. Ярослав точно знал, чем хочет заниматься. Он осваивал дело сам, и странная смесь его познаний не соответствовала вузовским специализациям. Григорий как-то с грустью поведal:

– Мой Степа тоже не учится: он вынужден зарабатывать на жизнь...

Ярослав вспомнил его слова: “Больше не спрашивай об этом” – и не поддержал разговор.

Периодически в жизни Григория появлялись красивые молодые женщины, каждая из которых именовалась просто “девушка” и никогда – “моя девушка”. Время от времени он приезжал на дачу в выходные с черными кругами под глазами, жаловался Ярославу, что девушки заставляют его проводить с ними ночи напролет в клубах. Григорий никогда не съезжался с девушками – кроме одного случая, тоже, впрочем, закончившегося ничем. Несмотря на видимую легкомысленность отношений, они могли продолжаться довольно долго. Потом девушка исчезала. Григорий не огорчался, оставаясь в одиночестве на длительное время. По некоторому эмоциональному подъему друга Ярослав догадывался, что тот снова не один. Далее отношения развивались по стандарту. После сорока пяти Григорий обзавелся собственной квартирой и попытался поломать стереотип отношений с женщинами, радикально изменив свою жизнь.

Переполненный новыми впечатлениями, он оставил свою обычную сдержанность и делился с Ярославом сомнениями, недоумением и надеждами. Все закончилось быстрым и резким разрывом.

– Я подал документы в посольство Австралии, чтобы съездить к детям. Она сказала: “К бывшей своей поедешь?” – коротко объяснил Григорий.

Последние пять лет Ярославу катастрофически не хватало времени, чтобы общаться с друзьями. Прошлым летом он даже отказался, когда Григорий позвал его в большое путешествие по Волге, хотя любил такие совместные походы больше всего на свете. А Григорий, обретя собственное жилье, стал большую часть времени, свободного от бизнеса и увлечений, тратить на хозяйство. Созванивались и то теперь редко. В итоге Ярослав перестал располагать свежими новостями о жизни старшего товарища. Иногда мысленно настраивался на Григория, получал информацию: все в порядке, все по-прежнему. А вот Настя при личной встрече почувствовала что-то неладное. Странно! Надо будет позвонить!..

Дождь хлынул ровно в тот момент, когда Ярослав пристроил свое транспортное средство под стенами девятиэтажного офисного здания из стекла и бетона. Он только усмехнулся. Досадно, конечно, что брюки внизу намочнут, ну да дело житейское! Ботинки прочные, а все остальное надежно прикроет огромный зонт, который он всегда возит с собой в машине – именно на такой случай.

Ярослав шагнул в направлении холла с витринными окнами и дубовыми, сделанными зачем-то под стиль “сталинский ампир” дверьми, которые казалось невозможным открыть, и остановился. Капли дождя ударялись в туго натянутую ткань зонта с такой силой, будто намеревались пробить его насквозь. Тяжелые, суженные книзу, почти черные, капли тускло отблескивали в неярком уличном свете и походили на острия дротиков. Ярослав внимательно за ними наблюдал, размышляя, могут ли существовать в природе такие капли воды.

Он протянул свободную руку за пределы зонта, ладонью вверх. Струи ударили ее со всей силой, вода стремительно побежала в рукав. Жалко было мочить пиджак и рубашку; Ярослав немного опустил руку, но упрямо продолжал держать ее под дождем. Вместе с ледяной водой холод полз под одежду.

Нечто твердое стукнулось о ладонь. Холодное, острое. Ярослав быстро сжал руку и развернулся к свету фонаря. Обычная градина. Ничего особенного. Показалось! И он спокойно зашагал к оригинальному подъезду.

* * *

Вера подошла к окну, застегивая верхние – пуговички на блузке. Привычный вид с высоты пятнадцатого этажа. И все же захватывало дух, когда сквозь огромное, почти во всю стену, стекло она разглядывала, как лежит у ее ног, расстилаясь до самого горизонта, необъятный мегаполис в серой дымке смога и сумерек – родная Москва. В этой стороне города не было ничего особенно примечательного: ни реки не видно, ни старинных кварталов, только в отдалении поблескивали купола двух-трех церквей, да ограда расположенного поблизости монастыря кокетничала веселой вязью белых и красных кирпичей. И все же. Даже новостройки, даже заводы, даже унылые складские помещения и чудовищный муравейник открытого рынка казались с такой высоты необходимыми элементами стройной и ладной урбанистической мозаики.

Сейчас смог над городом как-то особенно сгустился, и Вера остро пожалела об этом: она надеялась насладиться роскошью заката. Такой уж день: все получалось не совсем так, как хотелось бы. Вместо богатой палитры вечерних красок только пятно глухого грязно-красного цвета расплывалось над горизонтом. В мрачной лаконичности этого пятна была своя тревожная красота, но у Веры острой тоской сжалось сердце.

Нет, все вроде бы прошло удачно. Можно выставить уходящему дню оценку “удовлетворительно” или даже “хорошо”. Вера отвернулась от слепого заката.

Кабинет Андрея ей в целом нравился. Его так красили огромные – от пола до потолка – окна, панели темного дерева, которыми были отделаны стены, и такая же темная, тяжелая на вид мебель. Даже благородный и современный кожаный диван присутствовал. Эту деталь интерьера Андрей, по понятным причинам, особенно ценил. Комната выглядела необычно уютно и респектабельно для вузовского здания с обшарпанными коридорами и потрескавшимися рамами в аудиториях: все-таки кабинет проректора по учебной работе! Уютно... Вера вздрогнула и обхватила себя руками за локти. Здесь царил чудовищный холод зимой: отопление не справлялось с витринными окнами, и до сих пор, хотя на улице весна давно взяла свое, в щелях огромного, нелепого и помпезного здания таилась стужа. Захотелось вернуться в банкетный зал, где весёлое общение, подогретое спиртным. Но теперь придется дожидаться Андрея – когда тот принесет с праздника шампанского и бутербродов с икрой, съесть и выпить с ним хоть немного, чтобы не обижать, и только после этого – назад к банкету! А лучше – домой!

Строго говоря, Андрей если и не хозяин на празднике, то один из главных виновников торжества. Ведь именно его аспирант сегодня блестяще защитился – без единого черного шара! Вера в такой ситуации ни за что не оставила бы гостей и измученного, белого от пережитых треволнений диссертанта. Но Андрей предпочел сделать себе особенный подарок – вечер в обществе любимой женщины. Его дело. Подарочек, правда, Вера слегка подпортила.

Она встречалась с Дружининым уже полгода и успела узнать про него все, что ее интересовало. Прекрасный кавалер: воспитанный, щедрый, чуткий к малейшим ее нуждам и капризам – недаром сейчас побежал за любимым Вериним лакомством. И весьма посредственный любовник. Обычно Вера с этим мирилась. Они с Андреем чаще прогуливались вдвоем, чем спали, – ходили на выставки, в театр, в парк. Но если уж тот организовывал интимную встречу и она соглашалась, то не капризничала. Всегда можно извлечь свою толику удовольствия. Сегодня не смогла переступить через легкую неприязнь к ласкам Андрея и дальше поцелуев с объятиями дело не пошло. Вера призналась, что не в настроении, намекнула на существование неких проблем, которые не стоит обсуждать. Дружинин воспринял это спокойно: вышел из возраста пылкости.

Вчера на посиделках со школьными подругами много обсуждали, что такое лучший мужчина, подходящий мужчина для каждой из присутствовавших. А неделю назад Вера ходила на один из тех дорожных сеансов массажа, которые могла позволить себе лишь изредка. Ее целитель не только классно ставит на место позвонки. Он вообще прекрасно чувствует тело! Он дружит с телом. Со своим. И с телом женщины, оказавшейся в его руках. Особенно льстила Вере глубокая уверенность в том, что Славочка не спит со всеми клиентками подряд. Она – скорее исключение, чем правило. Тем более что он и лечит ее в виде исключения: давно бросил частную практику. У Славы уютно, красиво и тепло. С ним спокойно, как с командиром гарнизона неприступной крепости. С ним давно и четко оговорены рамки отношений, никто ничего не изображает и не делает вид. Вера только одну поблажку себе давала среди кристальной честности отношений с этим мужчиной. Когда звонила, а звонила ему всегда она сама, обязательно уверяла, что неважно себя чувствует и нуждается в исцелении. Не могла просто сказать: «Славка, что-то я давно с тобой не спала! Хотелось бы...» Тогда и денег бы платить не пришлось. Но она скрупулезно перечисляла болячки, и сердце каждый раз неприятно сжималось – вдруг он скажет: «Прости, Верка, я больше не лечу». Ответ будет означать, что он влюбился, – это нормально; или нашел получше и помоложе Веры – это досадно до слез!.. На прошлой неделе она позвонила Славе и пожаловалась на... на... что-то там она нашла у себя в очередной раз. Сеанс прошел восхитительно...

Так же чудесно она прежде чувствовала себя только с Гошей. Может, оттого, что не была еще достаточно искушена. Давно-давно, когда они еще женихались, а потом были влюбленными друг в друга молодоженами, счастливыми молодыми родителями...

Тоска все сильнее щемила сердце.

В ее жизни неописуемо давно не было любви. А на дворе весна; просто неприлично и стыдно оставаться одной. В юности, бывало, каждую весну – новая любовь. Молодежь не стесняется в выражении чувств и нежно обжимается в самых неподходящих местах. Сегодня во время утренней лекции двое на задней парте были столь откровенны! Вера долго не решалась прервать их занятие, чтобы не прослыть ханжой, но настал момент, когда ей показалось, что они сейчас перейдут под партой к самому главному. “Или я озабоченная?” – размышляла Вера, произнося вслух с веселой вежливостью: “Может, нам всем стоит выйти, чтобы не мешать вам?” Подумала: “Теперь они все решат, что старая гримза просто завидует, и это правда!” Сквозь белые жалюзи на огромных окнах пробивались широкие горячие полосы яркого весеннего солнца. Парочка, вопреки ожиданиям, смутилась: им в голову не приходило, что преподу с высокой кафедры задние ряды видны лучше, чем передние! Что могло бы заставить Веру вести себя так же весело и безрассудно? Одно-единственное! Захотелось хныкать с подвыванием и причитаниями.

Однако посещение дамской комнаты избавило ее от дальнейшей ревизии собственной душевной и телесной жизни. Сразу стало ясно, почему слезы близко и почему организм предпочел взять тайм-аут от занятий любовью. Вера вздохнула с облегчением: она не обманула кавалера, можно не чувствовать за собой вины!

Посидела с Андреем еще пять минут, выпила целый бокал в надежде хоть немного поднять себе настроение и слизнула с трех кусков хлеба всю икру. Дружинин заметил ее бледный вид и усталую складку между безупречных бровей. Поэтому сообщение Веры о том, что она поедет домой, не стало для него новостью.

– Я отвезу тебя, Верочка!

Она с приятным раскаянием вспомнила, что с самого начала застолья Дружинин почти не пил: отказывал себе в удовольствии, чтобы доставить свою даму домой на авто! Неужели эти отношения для него – нечто большее, чем простая игра? Неужели он серьезно влюблен?! Впрочем, галантность, как талант, не пропьешь!

Вера не стала отнекиваться. Тепло поблагодарила за заботу.

Через двадцать минут она уже входила в подъезд собственной хрущевки. Тучи плотно заволокли небо, и Москва досрочно погрузилась в темноту. Гоша, конечно, еще не вернулся с работы. У Юры сегодня подготовительные курсы. Вера с наслаждением избавилась от тяжелых серег и тугих для полнеющих пальцев колец, накинула халат и смыла косметику. Оттого ли, что форточки целый день оставались закрытыми, или от надвигающегося атмосферного фронта – в квартире было душно. Вера отодвинула тугие щеколды балконной двери и решительно распахнула ее, с треском раздирая полосы клейкой бумаги. Давно пора: май на носу!

Вера шагнула на балкон. Косые полосы дождя стремительно поглощали высокие новостройки и размывали очертания близлежащих хрущевок. Вскоре первые крупные капли упали на перила и на бетонный пол под ее ногами.

“Хорошо бы дождь перестал к тому времени, когда Юрке возвращаться! Он же наверняка зонта не взял, а куртка у него короткая и без капюшона”, – подумала Вера с легкой тревогой.

Дождь хлынул на руки, лицо и грудь. Вера отступила в глубь балкона, к кирпичной стене. Восхитительный шум плотных струй, брызги и ручьи по бетону, запах свежести.

Счастье, что не стала играть в благородство, не поехала на метро, а позволила Андрею себя отвезти! Забавно! Неделю назад – Славик, позавчера – занятия в танцклассе со взрывным и притягательным Федором, сегодня – Андрей. А завтра, кстати сказать, Алексей Анатольевич с географического факультета зовет в консерваторию. Почему бы не пойти? Получается довольно насыщенная личная жизнь! А дома, между прочим, хороший, работающий, доверчивый муж и любимый сын. Плохо ли? Слепой закат наваял тоску – и только!

К потокам дождя добавился град: нечто тяжело ударялось о бетон, отскакивало, снова шлепалось в воду, стучало по стене. Когда Вера выходила на балкон, было еще довольно светло, и она не зажигала люстру. Сейчас сумерки сгустились так сильно, что она не могла толком разглядеть градины. Наклонилась, протянула руку к полу – туда, где сверкала белая искра. Искра погасла. Еще и еще раз Вера повторяла попытки – ничего. Видно, градины быстро таяли. Охваченная азартом, Вера отбросила страх перед потоками холодной воды. Подумаешь! Она же дома! Через минуту сбросит мокрую одежду, согреется под душем. Женщина подскочила к самым перилам. Не так уж сильно сюда заливало: должно быть, ветер поменял направление. Здесь дождевые потоки блестели в свете уличного фонаря.

С неба сыпались фольговые фонарики с пышными плюмажами из длинных нитей. Отливая серебристым металлом, они густо вплетались в струи дождя. Фонарики были разными: одни – широкие в основании и короткие, другие – длинные и узкие, одни – помельче, другие – покрупнее, некоторые заканчивались у широкого основания круглой или продолговатой шишечкой. Елочные игрушки летели вниз не слишком торопливо – как и положено легкой фольге. Вера протянула обе руки, чтобы поймать хоть один красивый фонарик. Они падали в отдалении: дождь уже редел...

То, что стремительно летело Вере прямо в ладони, отливало темным металлом. От неожиданности она отдернула руки – и продолговатый предмет просвистел мимо острием вниз.

Женщина вновь протянула руки, но игрушек становилось все меньше. Дождь стремительно иссякал.

На улице посветлело.

Тут Вера глянула под ноги и обнаружила рассыпанные по всему балкону фольговые “фонарики”. Она наклонилась и стала их собирать, торопясь захватить побольше, словно они могли исчезнуть. Набрала полную ладонь, прижала к груди, и старалась добавить еще и еще. Но игрушек в ладони не становилось больше, как будто они таяли, подобно градинам. Наконец на балконе не осталось ни одного сокровища.

Вера почувствовала, как холодный ветер пронизывает мокрый халат, и поторопилась со своими трофеями обратно в комнату. Прежде чем отправиться в ванную, села на диван, по-прежнему прижимая к себе подарки дождя. “Надо бы выйти на улицу и собрать еще, – подумала стремительно. – Я же видела, как прохожие что-то подбирали с дорожки!”

* * *

Компания “Черемушки-Нефтепроект” встретила Ярослава бирюзовых тонов холлом с приглушенным освещением – как в дорогом отеле. Обилие вечнозеленых растений, цветущие азалии и китайские розы роднили этот портал крошечного нефтяного королевства с зимним садом. Пока охрана делала ему пропуск и вызывала встречающих, Ярослав всматривался в сплетение ветвей: ему все чудилось, что между ними нет-нет да и мелькнет пестрая бабочка. Иллюзия была очень живой. Кто-то с большой любовью проектировал этот оазис.

Референт проявил максимум почтения к гостю. Мгновенно – посредством клочка бумаги с подписью и печатью – заставил охрану выполнить требование Ярослава: освободить от какого-либо досмотра его тяжелую спортивную сумку. Рамка металлоискателя, ощутив внутри себя эту сумку, висющую на плече хозяина, истошно зазвенела. Охранники дернулись, однако дисциплинированно промолчали. Референт сразу проводил Ярослава на девятый – верхний – этаж, в кабинет президента компании. Туда же успели подойти комендант здания и главный менеджер по работе с кадрами.

Ярославу не терпелось удовлетворить любопытство: с чем связан срочный вызов? Он пока категорически не находил, что за опасность могла бы угрожать крепкой нефтяной компании средней руки.

Президента звали Евгений Ильич Корюшкин. Ярославу были смутно знакомы имя и фамилия и еще забавное сокращение от названия фирмы: “Черемушки-Неп”. Компания вряд

ли фигурировала в выпусках новостей, но в деловых журналах – вполне возможно. Президент ему понравился: интеллигентный дядька, деньгами и положением не упивается. И помощников подобрал вполне приличных на вид: деловые, грамотные, место свое знают. К сожалению, видно, что болен, и тяжело. Наверняка страдает постоянно повышенным давлением с бесконечными гипертоническими кризами. Еще порок сердца. Но не в этом его главная беда.

– Ну, что у вас тут случилось? – спросил Ярослав против обыкновения мягко, хотя уже догадывался – по умеренному смущению во взгляде собеседника, что его напрасно сдернули на ночь глядя с любимого ковра. Да что там взгляд – и по телефонному разговору было слышно, просто Ярослав почувствовал, что следует откликнуться на просьбу, пусть и несущественную – как если бы попросил добрый знакомый.

– Я надеюсь, что вы простите мне маленькую хитрость... – начал мужчина.

В голосе не раскаяние – уверенность, что прощение можно и нужно купить.

Ярослав вздохнул, подумал сочувственно: “Что с вами поделаешь, с хозяевами жизни? Вот за это и расплачивается!”

– Я давно слышал о вашем существовании, о ваших уникальных возможностях. Но вы засекречены лучше любой разведки. Совсем недавно узнал от коллеги ваше имя, однако тот не имел ваших координат или не желал ими поделиться. Зато был щедр на запугивания: рассказывал, как трудно склонить вас к...

Ярослав хмыкнул.

– ...Уговорить вас сотрудничать, и какой у вас напряженный график работы.

– У меня предварительная запись на полгода вперед, – буркнул Ярослав, которому надоели словесные реверансы.

– Мне говорили – год... Короче, чтобы не утомлять вас... Сегодня повезло: неожиданно раздобыл ваш телефон...

Собеседник приостановился, ожидая уточняющего вопроса: у кого раздобыл? Но Ярослава это совершенно не интересовало: мало ли людей, которым он помог? И половины из них он не помнил по именам. Хотелось скорее приступить к работе: нароется же что-нибудь интересненькое в этом тихом омуте!

– Я сразу позвонил, – закруглил вступительную часть Евгений Ильич. – Мы действительно очень нуждаемся в вашей помощи. И право, может оказаться, что это и впрямь совершенно безотлагательно!

– Тогда приступим! Ваши жалобы, опасения, подозрения. Происки конкурентов, экологическое состояние промыслов и предприятий, экология здания, проблемы с персоналом.

Ему четко изложили все, что настораживало руководство “ЧеНепа”. Обыкновенные текущие проблемы, которые решаются традиционными методами. Браться за обыденщину и текучку Ярослав не собирался.

– Еще, – неуверенно добавил кадровик, – трое умерли за один год на третьем этаже в левом крыле здания. Все молодые совсем – до сорока пяти. Там и за прошлый год один покойник.

– Из одного отдела? – спросил Ярослав.

– Ну да. Вы думаете, это имеет значение? Но у всех у них смерть была естественная, никаких подозрений на что-то...

– Какой отдел?

– Продаж.

– В вашей компании есть другой отдел, где работа была бы столь же нервной? Менеджеры у вас совсем без оклада? На проценте?

– Нет, на смешанной форме. Там обстановка напряженная: внутренняя конкуренция. Вы думаете, так просто? В этом все дело? Наш психолог тоже считает, что в этом отделе надо

менять систему мотивации и перестраивать взаимоотношения сотрудников. Но она у нас идеалистка немножко. Отдел работает с хорошей эффективностью! Тьфу-тьфу-тьфу!

Ярослав слушал вполуха. Он уже раскладывал на столе свой богатый инструментарий – подобно то ли хирургу, то ли слесарю-сантехнику.

– Я сейчас проверю здание и ситуацию в целом – внутри компании и вокруг. Филиалы, дочерние предприятия, буровые установки, нефтепроводы, если есть – это отдельная работа с выездом на места. Со своей стоимостью. В оговоренную сумму входит только диагностика, – тараторил Ярослав заученно, а сердце стучало все быстрее, потому что он подходил к фразе, лишь ради которой и впрягался в работу. – Я берусь помогать, только если деятельность компании удовлетворяет экологическим нормам. Вначале вы учитесь их соблюдать – с моей помощью. Затем я работаю.

Работа с фирмами в местах, где царит мир, – совсем другое, нежели с ядерными объектами, нефтяными и газовыми промыслами в районах боевых действий. Отшить пакостников-конкурентов, применяющих и подлог, и яд, и снайперскую винтовку, и примитивное черное колдовство, – это дело для экологии Земли само по себе безразличное. Однако ставишь заказчикам определенные условия – и они сами позаботятся о строжайшем соблюдении экологических норм – чем бы ни занимались!

Президент вздернул брови.

– Мне говорили, что вы выдвигаете такое требование. Однако на его выполнение нужно время. А если проблему необходимо решить срочно?!

Ярослав нахмурился. Сердце по-прежнему несло в бешеном темпе.

– Дадите мне обязательства. Нарушите – пеняйте на себя! Сделаете честно и быстро – возьму с вас в половину меньше оговоренной платы. – Все. Условие поставлено. Теперь можно расслабиться. Ярослав почувствовал, что взмокли ладони и рубашка под пиджаком прилипла к спине. Спокойно добавил: – Но у вас... у вашей компании нет срочных проблем.

– Приятно слышать! Вы уже уверены в этом?

– Сейчас проверю. Ну что, – Ярослав весело улыбнулся, – начнем с вашего кабинета?

Как обычно, вначале пошли в ход серьезные приборы: для определения состава воздуха, измерения радиационного фона. Ярослав прошелся по двум этажам, внимательно исследовал перекрытия, сантехнические и электрокоммуникации. Внутреннюю отделку ему достаточно было лишь увидеть: он наизусть знал состав и свойства материалов, которые применяются в подобных случаях. Качество отделки оказалось не самым худшим, хотя в блокноте он вкисливо пометил повышенную горючесть потолочных плит, излишнюю токсичность краски в коридорах. Выборочно Ярослав зашел в несколько рабочих комнат – проверить мебель, аппаратуру. Неплохо бы еще ознакомиться с атмосферой, с психологическим климатом в конторе, однако час поздний – сотрудников на местах оставалось уже совсем не много. Он подмечал, какие картинки развешаны по стенам, рисунок на чашках, в беспорядке толпящихся у немытой кофеварки, фотографии на рабочем столе. Старался угадать, почувствовать, насколько пышно процветают здесь конфликты, ссоры, зависть, конкурентная борьба. Ничто его особо не беспокоило. Напряги, конечно, присутствовали, однако в пределах допустимого.

Ярославу очень понравилось, что стены в комнатах выкрашены в разные цвета: заходишь – и не знаешь, что откроется взору на сей раз. Коридор за каждым поворотом неуловимо менял оттенок. В углу у окна неожиданно притулился маленький фонтан, окруженный сдержанным и стильным садом камней.

– Что же вы такую красоту у конференц-зала не поставили? – поинтересовался Ярослав.

Президент тепло улыбнулся, сказал тихо:

– Он ведь маленький, а там холл огромный.

– Ну, так туда побольше фонтан воткнуть. С проточной водой – чтобы пространство очищала. А этот – в комнату для переговоров или вон к себе в приемную забрали бы.

– Ксюша... Психолог наш... Она сюда попросила поместить, чтобы сотрудникам было что созерцать. Знаете... созерцают! Даже с других этажей специально сюда едут – созерцать.

– А на каждый этаж фонтанчик установить – пожадились? Это ж копейки!

– Ну, положим, услуги хорошего дизайнера – это не копейки! Однако у нас еще кое-где стоят фонтанчики, каждый – в своем стиле. Но не только. Вам покажут, если захотите.

– Тут главная задумка, – вежливо вступил в разговор комендант здания, – чтобы композиции были неожиданные. Например, идешь – раз – деревянная лавочка под окном, а вокруг – мальва и подсолнухи.

Ярослав вздрогнул: мальва и подсолнухи. На миг открылся черный провал, поглотивший свет и радость его детства...

– Живые. Горшки каждую неделю меняем. В оранжерее по спецзаказу нам выращивают. Это у нас на втором этаже.

Черный провал захлопнулся.

– Летом, – продолжал комендант, – даже семечки созрели. И кто-то их вылушил, представляете!

– Вылушил?! – Ярослав искренно расхохотался. – И шелуха под лавочкой валялась?

– Нет, по-моему. Наверное, убрали.

– Анатолий Иванович, – вступил в беседу кадровик, – вы только Ксении Алексеевне про шелуху не рассказывайте, а то она нарочно насыплет – ради достижения полной естественности пейзажа. Да еще и на клей посадит, чтобы не вымели.

Ярослав хмыкнул. Вкусы незнакомки-психологини ему все больше по душе!

– Господа, давайте не будем уходить в сторону от дела. Мы отнимаем у человека время, – сухо бросил Евгений Ильич разрезвившимся сотрудникам, посмотрев на часы. – Что вы нам скажете, Ярослав Игоревич?

– Пока ничего, – ответил Ярослав, – я еще не закончил осмотр.

Вернувшись в кабинет президента, он вынул из сумки совсем другие предметы. Толстую церковную свечу, крупный – в ладонь – хрустальный шар, две тонкие «ге»-образные рамочки.

Как бы между делом глянул на присутствовавших. Все трое мужчин созерцали его арсенал с одинаковым выражением нейтральной вежливости. Вот это школа! Обычно в такой момент владельцы высоких кабинетов усмеваются. Кто нервно – мол, с каким это шарлатаном я связался?! Кто – с издевкой: вот же идиот, деревенский колдун, блин! Один человек, которого Ярослав любил и уважал, просто-напросто перестал бы с ним общаться, если бы Ярослав принялся манипулировать у того на глазах хрустальным шаром и свечой...

Ярослав зажег свечу. Не задумываясь, схватил со стола стаканчик, бесцеремонно вытряхнул оттуда карандаши, которые со стуком покатались по столешнице. Воткнул свечу в стаканчик. Взял в руки рамочки и прошелся с ними по просторному президентскому кабинету. Рамочки вели себя спокойно и дрогнули только раз – когда Ярослав проходил с ними мимо кресла, в котором сидел Евгений Ильич. Ярослав приблизился. Рамки встретились с тихим звяканьем, сцепились на секунду. Не наведенное. К делу не относится. Он просто болен, по-человечески. Надо будет его предупредить, что дело серьезное: сам не понимает! Хотя вряд ли поможет...

– Здесь чисто, – пробормотал Ярослав.

Рассовав по карманам тяжеленный шар и рамочки, он взял стаканчик со свечой и, прикрывая пламя ладонью, начал в сопровождении Анатолия Ивановича вновь обходить верхний этаж.

Самое сложное в таком деле – отфильтровать мелочи от главного. Помещения любой крупной фирмы каждый день битком набиты людьми. Сотрудники и посетители несут самую разную энергетику, оставляют следы болезней, домашних скандалов, создают и расхлебывают рабочие проблемы. Все это не имеет прямого отношения к энергоэкологической безопасности

фирмы в целом. Ярослав уже достиг такого уровня мастерства, что просеивал песок человеческих судеб легко, почти автоматически. Он недолюбливал эту часть работы – слишком рутинную. Осмотрев два этажа и спустившись на седьмой, он признался себе, что скучает: “Черемушки-Неп” буквально излучал благополучие.

В холле у лифта развалилось в креслах руководство “ЧеНепа”. Мужчинам не хотелось сидеть ни в кабинете, ни в уютной комнате для переговоров. Душа рвалась на свободу. Они уже откупорили бутылку коньяку, утомившись долгим ожиданием. Ярослав глянул на часы: десятый. Ну, ждать им еще не менее часа. Сами навалились, вызвав его срочно, на ночь глядя.

Ярослав почти вплотную подошел к сидящему президенту, навис над ним.

– У вас работал классный специалист. Зачем я вам понадобился?!

Мужчина улыбнулся, не скрывая удовольствия.

– Без вас я никогда не узнал бы, что мне помогал действительно классный специалист! Кроме того, с тех пор прошло уже года два. Тогда этот специалист охарактеризовал ситуацию как критическую.

Ярослав настроил мысленный взор на прошлое.

– Была критическая. Теперь все отлично. Следа не осталось. Хорошая баба!

– Такое впечатление, что вы с ней знакомы.

– Может, и знаком. Не уверен...

Образ женщины, которая создала на несколько лет вперед надежную защиту компании “Черемушки-нефтепроект”, напомнил Ярославу целительницу Любу. Но можно ли быть уверенным, если общался с человеком один раз в жизни? Да и не важно! Дело прошлое.

– Ну, раз все хорошо, садитесь, присоединяйтесь к нам. Осмотр вы, как я понял, завершили?

– Какое завершил?! А ниже? Мне еще семь этажей!

– Я думал, вы уже пришли к определенным выводам...

– Нет. Ждать вам еще долго, мужики. Минимум час!

Ярослав развернулся к дверям лифта. Запах коньяка дразнил обострившееся обоняние; в пустом желудке зазвенел набат голода. Сделать перерыв? Ярослав поморщился. Хотелось скорее закончить нудную работу! Он шагнул в роскошную кабинку лифта.

Ярослав хотел перейти в режим беглого осмотра, но привычка работать на совесть победила. Он слишком дорого брал за свой труд, чтобы халтурить. Он бродил по коридорам, внимательно вглядываясь в глубину шара, отслеживая поведение пламени свечи. В правом холле язычок огня сильно задрожал. Аномалия наблюдалась в радиусе метров двух-трех. Ярослав достал рамки. Те сошлись и стали медленно вращаться. Ярослав насторожился и обрадовался: наконец что-то интересное!

На шестом уже четко просматривался пробой. Ярослав больше не нуждался в аксессуарах. Рамка, свеча – это для выявления тонких, плохо различимых энергетических неприятностей. А дырка прямо у него под ногами была мощной, хотя на удивление узко локализованной. Через дырку утекала энергия. Интересно, куда? Кто вор? Ярослав настроился, мысленно проследил со свистом уносящийся поток. Для проверки заглянул в хрустальный шар. Энергия уходила в никуда, в черную бездну. Значит, верно определил с самого начала: это не отсос, а пробой. Мимо лифтов стремительно зашагал к лестнице и торопливо сбежал по ней на пятый этаж. Комендант топал позади, не отставая.

С каждым шагом интерес Ярослава разгорался. Ситуация не совсем стандартная. Пробой локальный, но мощный. Энергия в него уходит тяжелая, низкочастотная – так называемая “жизненная сила”. Такую дырку он должен был бы почувствовать, едва войдя в здание. Но не уловил даже намека.

– Что у вас тут, дальше? – спросил, быстро преодолевая длинный извилистый коридор.

– Комната психологической разгрузки, медицинский блок – ну там солярий, массаж, аппаратура всякая для диагностики, врач днем дежурит. И кабинет Ксении Алексеевны. Да, еще тренинговый центр. Ксения Алексеевна – руководитель психологической службы, – рапортовал Анатолий Иванович.

– А, которая фонтанчики... и подсолнухи... У вас в медицинском блоке никто не умирал?

– Что? Как?!

Они уже дошли до холла и остановились посередине. В воздухе плавал слабый запах полыни. Ярослав больше не нуждался в пояснениях, но вежливости ради решил плавно закруглить разговор:

– Человеку стало плохо на работе, принесли его в медчасть, а он скончался. Не было такого, как я понял?

– Бог миловал. Что-то неладно?

Ярослав слишком горел нетерпением, чтобы отвечать.

– Что это ваша Ксения Алексеевна до девяти вечера на рабочем месте?

– Не знаю. Она всегда долго. А разве... Да, свет из-под двери... Странно! Она обычно часов в восемь уходит, самое позднее – полдевятого.

– Все. Спасибо, что проводили. Идите наверх, отдыхайте. Я с вашим психологом поговорю.

– Я представлю вас...

– Не нужно! Идите! Дорогу обратно найду.

Ярослав в пылу работы терял способность ориентироваться в социальных нормах и мог не задумываясь раздавать приказания чиновникам и топ-менеджерам на их собственной территории.

Комендант безоговорочно подчинился великому специалисту по энергоэкологической защите. Во-первых, получил такое указание, во-вторых, уж очень хотелось плюхнуться в кресло и дернуть коньяку. Ярослав сейчас распознавал любую мысль и настроение другого человека, будто свои собственные.

Он громко постучал в дверь кабинета с табличкой: “Главный психолог Царева Ксения Алексеевна”. Он знал, что женщина слышала слабые голоса в холле и успела подготовиться к возможному визиту. Тем не менее, дал ей еще несколько секунд, прежде чем приоткрыл дверь, и, не заглядывая внутрь, громко произнес:

– Можно, Ксения Алексеевна?

– Да, пожалуйста!

Голос нежный, мягкий, мелодичный. “Хороший психолог!” – подумал Ярослав и вошел в кабинет.

Миловидная женщина лет около тридцати на вид. В реальности побольше. Спокойная, располагающая улыбка – сдержанная, но не формальная, что приятно. Глаза вот только... Ярослав не стеснялся внимательно рассматривать то, что его интересует. Он надолго уставился Ксении Алексеевне прямо в глаза.

* * *

Веру разбудил нежный поцелуй в губы. Она отреагировала, не открывая глаз, еще слабо соображая, где находится и с кем. Отвечая все более жарко, Вера заметила, что мужчина как-то странно обнимает ее: только за шею, и еще больно упирается чем-то в ее колено. Она поняла, что сидит, а мужчина стоя наклонился к ней. Глаза под закрытыми веками не улавливали света. Вера судорожно вздохнула, и они открылись.

– Жорка, ты?! – вырвалось у нее. Она с опозданием прикусила язык.

– Кого ж ты ожидала увидеть? – ехидно поинтересовался муж. Просто пошутил – никаких подозрений! Он отлично знал, что жена никогда не позовет чужого в их общий дом.

В комнате царил сумрак, только мягкий свет уличного фонаря подкрашивал темноту теплыми оранжево-розовыми оттенками. Жора выпрямился. Его голень по-прежнему жестко прижимала коленку жены. Он не замечал. Он ждал ответа, и Вера не могла разглядеть, то ли он весел, то ли огорчен. Она нащупала выключатель и зажгла бра. Белый свет жестко полоснул по глазам. Вера зажмурилась. Пока успела привыкнуть к новой яркости пространства, Жора сел рядом и обнял жену за плечи. Когда Вера взглянула на него, он улыбался – задорно и чуточку утомленно одновременно.

– Ну, что, Верк, тяжелый выдался денек? Ты еще ни разу не засыпала вот так, сидя на диване, сколько я помню. Защитили хоть этих мучеников?

– Каких?

– Аспирантов, или вы там кого-то еще сегодня мучили?

– Жор, а где фонарики?!

Муж молча смотрел на нее. Испытующе: мол, о чем это ты? И обреченно: блицкриг сорвался, спонтанной близости не случилось, а Верка, кажется, чем-то недовольна, значит, предстоит разборка. Веру укололо угрызение совести: она последнее время так мало уделяет Жоре внимания, так мало проводит с ним времени, так нетерпима и вспыльчива! А он терпит... пока. Прежде Вера была убеждена в том, что это муж ответственен за охлаждение, которое она испытывает к нему. Теперь обиды как-то стерлись, претензии она научилась обращать скорее к себе, чем к близким людям. Но охлаждение осталось. Удивительным образом судьба чудесных фонариков, свалившихся с неба к ее ногам, сейчас волновала Веру гораздо живее, нежели судьба ее отношений с мужем: как-то было понятно, что Жора в ближайшее время никуда не денется, а вот небесные фонарики исчезли из поля зрения!

Вера заглянула за пазуху. Нету.

– Куда ты их положил? – спросила, стараясь быть максимально дружелюбной и не выказывать раздраженного нетерпения.

Жора, явно не чувствуя за собой никаких провинностей, развеселился:

– Подруга дней моих суровых, ты о чем?!

Вера растерянно обвела глазами комнату. Свет от стосвечевой лампочки, недавно вставленной в прозрачное бра за неимением выбора, до сих пор казался слишком ярким. В этом резком свете проступали потертости и застарелые пятна на обоях в давно не модный цветочек, щели дешевого мебельного гарнитура, который был куплен к свадьбе в начале девяностых и почти сразу стал рассыхаться. Взгляд царапнули даренные вазы, которые не подходили друг к другу и не имели права стоять рядом. Безупречно красивая черно-белая фотография на стене, сделанная отцом, тащила за собой хвост воспоминаний о непростом Вериним детстве – среди творчества и нищеты, богемного веселья и пьянок...

Вера почувствовала, что чудо, едва блеснув, безнадежно ускользает из рук. Глаза стремительно налились слезами.

– Нет? Ты не брал мои фонарики? Не находил? – всхлипнула она. Уже поверив, что муж ничегошеньки не понимает, добавила: – Такие фонарики, как елочные игрушки из фольги. Серебристые, блестящие.

– Понятно.

Тактичный Жора не стал вдаваться в подробности: откуда взялись, зачем нужны, что в них особенного... Сразу взялся за дело:

– Где ты их оставила? Давай поищем! Когда раздевалась – в прихожей на тумбочке? – Он метнулся было к двери.

– Нет! – надрывным выкриком остановила его Вера. Даже ухватила за руку, чтобы не уходил. – Они были здесь: у меня в руках, у меня за пазухой! Ты, когда вошел, ты делал что-нибудь в комнате? Ты... ты...

Она остановилась. С языка рвалось абсолютно немыслимое: “Ты меня не трогал?” Муж сочтет ее безумной и будет прав!

– Верочка, – сказал Жора мягко и ласково, – послушай меня. Я пришел – темнота, тишина в квартире. Думал, и ты, и Юрка еще где-то бродите. Разделся. Иду мимо комнаты, смотрю – ты. Дрыхнешь, как сурок. Я прогулялся по коридору налево, – муж употребил эвфемизм, обозначавший в их семействе санузел, – выключил свет в прихожей и – к тебе... будить.

Он выразительно вздохнул. Вот, мол, я старался, рассказывал, и рассчитываю на достойную награду.

– А... Жорочка, а... загляни, пожалуйста, под диван. Там ничего не валяется?

Муж как ни в чем не бывало поддержнул свои приличные, собственноручно им отутюженные брюки, опустил колени на метенный три дня назад пол и внимательно обследовал пространство под диваном, под креслом, под шкафом. Вера невольно улыбнулась. Такое вот бесшабашное, бескорыстное добродушие она любила в нем когда-то, прощала ему за это многие глупости. По сей день эта черта рождала в ее душе уважение к супругу, даже нежность.

Жора между тем поднялся на ноги и принялся отваливать от стены спинку дивана, чтобы заглянуть за нее.

Вера судорожно вздохнула, сказала бесстрастно:

– Я поняла. Это был сон... Жорка, можно я тебе расскажу мой сон?!

Муж, завершивший бесплодные поиски, тут же сел рядом. Сказал с лукавой небрежностью:

– Ну, так и быть, расскажи!

Вера принялась рассказывать, как спаслась от ливня, как любовалась им с балкона, как посыпались к ее ногам серебристые небесные стрелы. Как жадно собирала их – нежные, тонкой работы, так похожие внешне на елочные игрушки из фольги, а на ощупь упругие и прочные, будто из металлического сплава. Как совала их за пазуху и в подол и благоговейно несла в дом...

Убогий желтый свет заливал убогое жилище... Вера судорожно расплакалась на мужниной груди. Жора – все-таки умница! – ее поглаживал, молча утешал, не делая никаких попыток поприставать.

– Верк, завтра пойдем в дом обоев и купим, какие тебе понравятся. – Приземленная фраза прозвучала удивительно легко и уместно. – К ним люстру присмотрим, торшер. Мне дали премию. Потом насчет мебели подумаем.

Вера судорожно вздохнула, муж не дал ей заговорить:

– Насчет Юрки не беспокойся! Мы с тобой уже достаточно отложили ему на учебу и еще отложим! Нам хватит и на то, и на другое – я посчитал!

– Жорочка, спасибо, мой родной!

Вера уже возвращалась к жизни. Ей хотелось отблагодарить мужа – не за обои только, хотя приятно! – за его чуткость и такт. Но она вовремя сообразила: не сегодня!

Вскоре вернулся безобразно долго болтавшийся неизвестно где сын и застал родителей за совместным приготовлением ужина под необычайно теплую и дружественную беседу.

* * *

Определенно Ксении Алексеевне было не меньше тридцати пяти. Но и не больше тридцати шести. То есть его, Ярослава, ровесница. Она сидела за столом боком к вошедшему, и Ярослав отчетливо видел, как она стройна. Облегающая блузка, короткая юбка подчеркивали достоинства фигуры и ног. Офисный стиль на этом заканчивался. Волнистые каштановые волосы, некогда коротко стриженные, теперь, отрастая, беспорядочно обрамляли шею – непослушные кончики торчали в разные стороны. Макияжа почти никакого, а лицо-то бледное, чтобы не сказать “блеклое”. Улыбка красит, но не улыбается же она двенадцать часов подряд! Ярослав успел приметить и низковатый для офисной обуви каблук изящных туфель.

Помимо хозяйки кабинета, его взгляд притягивала обширная лужа чистой воды под закрытым наглухо окном.

Ярослав представился, получил заверения, что женщина наслышана о его визите, и приглашение садиться. Она сама вышла из-за письменного стола и расположилась во втором кресле у низкого чайного столика вполоборота к Ярославу. На губах ее уже рождалось: “Чай? Кофе? Угощайтесь: мед, печенье...”

Но Ярослав снова смотрел ей в глаза.

– Ну что, Ксения Алексеевна, собрались развалить на хрен всю организацию вместе с руководством? Они, – он вздернул подбородок к потолку, – как я успел заметить, вас нежно любят.

– Меня все любят, – произнесла главный психолог “ЧеНепа” с ироничной гримасой, – кроме отдельных, особо устойчивых экземпляров... Почему развалить?

– Вы своей вселенской скорбью прошибли здоровенную дырку в энергетической структуре вашей богоспасаемой фирмы. Это невообразимо! Чтоб один человек страдал минимум на двадцать метров в диаметре с такой интенсивностью, что энергия в дыру так и сифонит! – Ярослав, увлекшись, говорил с искренним восхищением.

Сильно припухшие от слез веки открылись так широко, как только могли. В глазах, покрытых красными прожилками и розовыми пятнами кровоизлияний, тоска сменилась живым интересом.

– На двадцать метров? Так мало? Я хотела бы, чтоб моя печаль хоть краешком коснулась кое-кого. Но этот человек ничего не замечает и находится уже гораздо дальше.

– Так это вы его пытаетесь извести?

– Только не извести! Мне не за что на него злиться. Я бесконечно ему благодарна. – Губы задрожали. – Я люблю его. – Глаза привычно наполнились слезами. – Я бы хотела, чтобы он узнал, как мне плохо без него, как больно. Что я никогда не желала ни обижать его, ни командовать им. – Ксения Алексеевна теперь судорожно всхлипывала на каждом слове. – У меня одна-единственная мечта: чтобы он узнал, как я на самом деле к нему отношусь. Я всей душой ему открыта. Я, как инструмент, настроена под его руки!..

Она достала платок и принялась приводить в порядок нос и глаза.

– Словами ему говорить бесполезно – не поверит, – добавила женщина шепотом, чтобы не рыдать в голос. – Если бы душой почувствовал... Или рассказал ему кто... Все... Больше не буду. Я просто ответила на ваш вопрос.

Был момент, когда Ярослав хотел утешительно подержать ее за руку. Но, даже доверчиво размазывая слезы по щекам, главный психолог “ЧеНепа” не выглядела человеком, нуждающимся в утешении.

– Неудивительно, что мужик сбежал. Обида ни при чем. Кто ж вас выдержит с вашей силищей?! – неожиданно ляпнул Ярослав. – Кстати, это вы вон ту лужицу наплакали? – Он кивнул в сторону окна.

Она нервно хихикнула:

– Я открывала створки: любовалась ливнем... Он тоже сильный, – добавила без перехода. – Очень сильный маг, как вы! – Глаза ее посветлели от гордости. – Только не знает об этом. И не желает знать.

– “Сильный маг”! – развеселился Ярослав. – Терминология из книжки “Гарри Поттер в ночном дозоре и кольцо Всевластья”?

Собеседница весело расхохоталась. Слишком звонко, с истеричными нотками.

Ярослав вздохнул:

– Простите, Ксения... Можно без отчества?

– Разумеется. Даже лучше!

– Ксения, я должен извиниться перед вами. Я вызвал вас на откровенность, но любовные проблемы – это не мой профиль. Я не помогу вам их решить.

Она собралась что-то сказать, но только кивнула в ответ – и Ярослав продолжал:

– Тем не менее, мне нужна от вас некоторая информация и согласие сотрудничать. Ваши переживания угрожают энергетической безопасности фирмы. Как вы только это делаете?!

– Извините, Ярослав, а моей собственной, сугубо личной безопасности они разве не угрожают? Я хочу сказать... Исходя из ваших слов, масштабы бедствия так велики, что я давно должна была бы сгинуть в бездне собственной скорби.

– Вот именно! Ни хрена пока концы с концами не сходятся! Не может один человек... Почему вы сказали, что он – сильный маг?

– Думаете, он как-то влияет? Вряд ли. Если бы его еще интересовала моя персона! Это я без него дышать не могу... Простите. Он жутко злился, когда я отвечала вопросом на вопрос. Отвечаю на ваш: он облака разгонял.

– Ничего себе!

– Может, простое совпадение. Он очень хотел, чтобы мы погуляли. А дождь – как из ведра! Целый день, обложной. Такой обычно надолго. Говорит: все равно поедем, хоть на машине прокатимся! Через двадцать минут подъезжаем на место... долго объяснять... ну, где гулять хотели – дождь прекратился. Еще пять минут пешком – солнце сияет, небо чистое, голубое.

Она замолчала, а Ярослав даже забыл кивнуть. Воздействие на погоду свидетельствует и о недюжинной силе, и о способности входить в резонанс с природными явлениями, так называемыми стихиями. История могла оказаться простым совпадением. Но она, совершенно точно, была подлинной! Любящая женщина ничего не преувеличила, не добавила от себя. Это Ярослав считал с легкостью! Он с огромным интересом ждал продолжения.

В кармане завибрировал мобильный телефон. Ярослав воспринимал подобные события в процессе работы как знаки. Почему два часа подряд его никто не беспокоил, а тут, в самый увлекательный момент... Он ответил, не глядя, кто вызывает.

– Слушаю.

– Ясь, привет! – Мужской голос, чужой, абсолютно неузнаваемый. Но только один человек на свете, помимо сестры, называл его так. Ярослав открыл рот, чтобы ответить, но человек на том конце неосязаемой линии заметил заминку: – Это Гриша.

– Что стряслось?

– Мне только что чуть башку не проломили!

– Кто?

– Потом расскажу. Одна из версий милиции – что это связано с моим бизнесом.

– Понял. Ты в больнице?

– Нет, дома. Мне уже наложили швы. Вся голова в бинтах, только ухо торчит. Я специально попросил оставить, чтобы разговаривать по телефону.

Наконец в голосе старшего товарища пробились знакомые шутовские нотки!

– Угу! Ты и с милицией успел пообщаться, и медицину на уши поставил. А говоришь “только что”!

– Часа три назад. Самый ливень был.

– Ясно. Ну что, я тебе нужен как специалист по защите?

– Ясь, я буду очень тебе признателен, если ты сможешь мне разобраться с этой историей!

– Помогу! Я сейчас приеду. Спать еще не будешь?

– Какое там спать!

– Сейчас тут с делами закончу. Минут пятнадцать еще. И еду. Жди.

– Ясь, голодный?

– Жутко! То есть... – Человеку с разбитой головой лучше не возиться у плиты. – Ничего, терпимо. У тебя в холодильнике что-нибудь есть?

– Конечно!

– Ну вот и ладно. Приеду – сам разогрею. Слышишь?

– Хорошо. Жду тебя. Спасибо!

В процессе разговора Ярослав вскочил: не любил расслаиваться, и теперь обнаружил себя стоящим у окна с видом на бескрайние огни московских пятиэтажек. Он мысленно прикоснулся к другу, успокаивая, поставил защиту ему лично и на всю квартиру. Страшно чудно было заботиться об этом гордом и замкнутом недотроге. Никогда Григорий не проявлял при нем в открытую растерянности и испуга.

– Ксения, все на сегодня. Поеду друга выручать. Завтра я вернусь, и продолжим разговор. Хорошо?

Он хотел сохранить сдержанность, но против воли улыбнулся женщине тепло и ободряюще.

Ксения явно была разочарована: она бы с наслаждением продолжила рассказ о любимом!

– Я не возражаю, – вежливо улыбнулась в ответ.

Ярослав со смешанным чувством удовлетворения и сострадания понял, что женщина будет нетерпеливо ждать его прихода.

Евгению Ильичу и его свите он сообщил, что дела в главном офисе компании в целом обстоят благополучно, однако есть небольшая локальная проблема. Он еще не очень разобрался в природе явления, поэтому денег за диагностику пока не возьмет. В следующий раз ему понадобится только главный психолог: обсудить тонкие, деликатные вопросы о “самой душе организации”.

– Да, Ксюшенька – наша душенька! – сказал размякший от коньяка президент.

Ярослав внимательно на него посмотрел. Плохо, что нет времени с мужиком поговорить!

– Евгений Ильич, еще пять минут наедине.

Помощники стремительно удалились.

– Вы знаете, что у вас со здоровьем творится?

Собеседник не удивился.

– Приблизительно, – ответил осторожно.

– У вас сосуды – как авоська с картошкой. Сгустков до черта! Вам надо срочно лечиться. Просто вот сейчас начинать!

– Я лечусь.

– Ни хрена! Не знаю, что за дрянь вы принимаете... Какие-то капсулы желтого цвета, так?

– Есть такие.

– Только организм засоряют.

– Вы можете что-то сделать? – В голосе президента появились нотки раздражения.

– Не мой профиль. – Ярослав задумался.

Он принципиально не занимался целительством. Во-первых, знаний недостаточно и нет времени на их приобретение. Во-вторых, когда лечишь, отвечаешь за больного двадцать четыре часа в сутки; а его основная работа содержит столько опасностей! Сильные удары, направленные в него самого, могут прилететь и по пациентам. “Я лечу Землю”, – отвечал он, если упрасивали полечить, укоряли. И еще. Вылечить серьезную болезнь – это ведь не только отремонтировать организм. Надо найти ее подлинные причины, может, коренящиеся в сознании человека, может, в его прошлом, а может, и в других жизнях. У Ярослава под такую тонкую деятельность просто не заточены мозги!

Чем же помочь? Он знал многих целителей и экстрасенсов, но мало кого ценил. Здесь дело было серьезное: с края света человека вытаскивать! Вспомнил о Любе. Назвал Евгению Ильичу имя.

– Не знакомы с такой?

– Нет.

Значит, ошибся, не Люба создавала для фирмы защитные покровы. Он отрекомендовал целительницу наилучшим образом и продиктовал президенту ее телефон. Тот вежливо записал. При этом на лице бизнесмена ясно читалось сомнение: не разводят ли его на денежки? Надо подождать, послушать, какой диагноз великий специалист по энергоэкологической защите поставит “ЧеНепу” и сколько запросит за исцеление компании – тогда будет яснее, насколько честную игру он ведет.

– Не тяните время, – попросил Ярослав. – Я с этой бабой не в доле, а клиентов у нее без вас хоть отбавляй!

Еще Ксенин пробой может его подсасывать, хотя кабинет Евгения Ильича, к счастью, далеко от ее вотчины. Ярослав решил все-таки поставить ему защиту от отсоса энергии, но крепкий защитный покров сдувало, как перышко, дуновением от близко подступающего края бездны. “Я предупредил! – с досадой подумал Ярослав. – Ну, прими же ты правильное решение!”

Дольше задерживаться не стал. Любимый старший друг, учитель, Григорий Матвеев в кои-то веки обратился к нему с серьезной просьбой и ждал – наедине со своей бедой! Ярослав поспешил на помощь.

До “Войковской” Ярослав добрался только к половине первого ночи: полузатопленная необычайно сильным ливнем автомобильная Москва встала. Пробки и заторы рассасывались так же медленно, как просачивалась в трещины и выбоины асфальта обильная небесная влага. Водители, обезумевшие от усталости, голода и тоски по мягким постелям, орали друг на друга гудками и матом из открытых окошек, сталкивались бамперами, почему зря разбивали друг другу фары и со скрежетом выкорчевывали наружные зеркала. Останавливались выяснять отношения, увеличивая хаос и неразбериху.

В животе урчало. Ярослав достал из бардачка припасенные на такой случай пакеты с сухариками, чипсами и прочей дрянью. Не помогло. Он вспомнил мясо по-матвеевски – одно из фирменных Гришиных блюд. Слюна потекли ручьем. Потом Ярослав сообразил, что Григорий редко готовит впрок, и сегодня его ждут, скорее всего, банальные пельмени из морозилки. Живот одобрил мысль о пельменях очередным приступом урчания.

Интересно, как Матвеев представляет себе деятельность своего младшего приятеля?

В молодости Ярослав, увлеченный своим делом, порывался рассказать о нем дяде Грише, но нарвался на глухое и жесткое сопротивление. “Магия? Эзотерика? Ясь, лучше бы ты не занимался такими вещами! Я всего этого не люблю и боюсь!” Ярослав кидался спорить, горячо отстаивать свои убеждения. Григорий замыкался: “Я не хочу дискутировать с тобой на эту тему”, – бросал раздраженно, надменно и надолго умолкал. Ярослав маялся: он привык откровенно обсуждать с дядей Гришей все на свете; немилость самого близкого ему друга и наставника к делу, которое казалось дороже жизни, обескураживала и обижала. Но оставалось только смириться. Заметив, что старший товарищ стал вроде бы даже сторониться его, Ярослав принял меры, чтобы избежать раскола столь дорогой ему дружбы. Он придумал обтекаемый термин: “биоэнергетическая защита в сфере экологии и бизнеса”, уболтал Григория малозначащими фразами о научном подходе, сказал, что работает с точными приборами в руках, попросил помощи в освоении химии, которая, в отличие от физики, так тяжело ему давалась. Григорий постепенно оттаял, а Ярослав больше никогда о содержании своей деятельности с ним не заговаривал. Недосказанность по взаимному умолчанию так и осталась между ними зарубцевавшейся трещиной.

Теперь Григорий рискнул обратиться к Ярославу за помощью. Ярослав стал прикидывать, в какой форме обсуждать с ним все, что сумеет выяснить, чтобы не спугнуть, не дать повода пожалеть об оказанном Ярославу доверии? Со своими клиентами Ярослав так не цере-

монился: раз пригласили, значит, готовы поверить любому слову нетрадиционного специалиста. Усомнятся – пусть пеняют на себя! В запасе для сомневающихся всегда оставалась простая и убойная техника: считать информацию о семье, о здоровье, словить пару-тройку немудреных мыслей, наконец. Но с Гришей надо быть предельно осторожным. Упаси боже от подобных фокусов!

“Не люблю и боюсь!” – резко, как удар хлыста, звучало в ушах. Он не сказал: “Не верю”.

Поток автомобилей тем временем поредел, и Ярослав вскоре свернул на тихий пустынный бульвар. Голые деревья приветствовали позднего гостя активной отмашкой ветвей. Ох и сильный же поднялся ветер! Снова шквалистый, как тот, что принес непогоду. Теперь, судя по редющим клочьям облаков, несущимся по небу низко-низко – в свете огней города, тот же ветер прогнал непогоду прочь.

Белая бинтовая повязка аккуратной шапочкой охватывала голову, спереди из-под нее трогательно выбивались пегие пряди со следами модельной стрижки, сзади оставался открытым затылок. Удар пришелся по темени. Ярослав успел заметить бескровную белизну лица, даже с оттенком серости, прежде чем оказался в объятиях друга.

– Здорово, Ясь! – наконец-то громким, узнаваемым голосом. – Рад тебя видеть! Проходи.

Ярослав нетерпеливо умылся и бегом рванул на кухню.

– Бери тарелки, рюмки, – распорядился Григорий. – Я ничего не доставал: мне запретили много двигаться. Вино в холодильнике. Выбирай, какое хочешь. Под рыбу.

Ярослав, не веря своему счастью, осознал, что на плите стоит сковородка, из-под плотно закрытой крышки которой просачивается аромат почти готовой семги.

– Гриша, ну зачем ты готовил, если нельзя?

– А с ней возни немного, – протянул Григорий с деланой небрежностью. – Просто положил на сковородку – и все. Ну, специи, конечно, посыпал. Посолил.

Ярослав демонстративно застонал. Григорий – мастер простой и здоровой еды, которую он фантастически быстро готовит и которую невероятно вкусно есть!

Только успел помыть овощи, как Григорий объявил, что семга готова и ее надо срочно выключать, пока не пережарилась.

– Мне совсем немного положи. Просто чтобы тебе не скучно было одному есть. Я не голодный; специально для тебя готовил.

– Ну, рассказывай, что с тобой случилось! – предложил Ярослав, хватаясь за вилку.

– Давай сначала за встречу! – Григорий разлил по бокалам вино. – Сколько ты не был у меня здесь? Полгода?

– Больше. Летом я на дачу к тебе приезжал. С тех пор и не виделся. Так что стряслось? Излагай!

Маленький музыкальный центр на столе довольно громко проигрывал какой-то диск с классическим роком. Еще в ранней юности Ярослав был приучен дядей Гришей понимать эту жесткую музыку и даже любить ее. Поэтому Ярослав не стал вовсе выключать звук – только сделал потише, чтобы не мешал разговору.

Он наслаждался вкуснейшей рыбой и смаковал каждый глоток хорошего итальянского вина.

– Да рассказывать почти нечего. Ко мне подошли двое пьяных мальчишек...

Матвеев рассказывал с заученными интонациями человека, которому уже пришлось участвовать в составлении милицейского протокола.

– Мальчишек?

– Лет по восемнадцать. Чуть больше, чуть меньше – не знаю. Подошли спереди. Ударили. Они, наверное, хотели оглушить и вытащить кошелек. Но я отбилась и побежал...

– Не понял. Подошли спереди и ударили по темечку?

– Нет. Один попытался ударить по голове, но я успел отбить его руку. Другой хотел меня схватить за одежду. Я увернулся от обоих и отскочил в сторону.

Зная отличную спортивную подготовку Григория, Ярослав в принципе не удивился. Но все же уточнил:

– Как тебе удалось?

– Не сложно. Они были в хорошем подпитии. Я хотел банально убежать. Прости, история совсем не героическая!

Григорий обезоруживающе улыбнулся. Любому другому человеку Ярослав в продолжение диалога ответил бы веселой репликой типа: “Старая ты кокетка! Мне твой героизм даром не нужен; засунь его себе куда-нибудь и излагай по существу!” Григорию он тепло улыбнулся:

– Гриш, ну при чем тут героизм? Что было дальше?

– Я повернулся и успел пробежать шагов десять, по-моему. А дальше меня ударили по башке.

– Догнали?!

– Ясь, понимаешь... Милиция их уже схватила, я их опознал. Хотя лица из-за дождя плохо разглядел, но по одежде, по волосам. Собственно говоря, они сами сразу сознались. Но они пьяные вдрабадан, шатаются. Так что вряд ли догнали.

– Ты не слышал шагов за спиной?

– Как я мог слышать шаги?! Ливень был!

– Извини. Я понял. То есть в тебя чем-то бросили?

– Ну да. Попали, видимо, чисто случайно: метко прицелиться ни один из них не смог бы. Я добежал до магазина. На углу, знаешь? Там мне дали стул. Весь пол им кровью залил! У них есть аптечный киоск. Они меня перекисью мазали, пока милиция и “скорая” не приехали.

Ярослав вспомнил продавщиц с блестящими от возбуждения глазами. Усмехнулся:

– Да, развлечение ты устроил ночной смене магазина! Так чем в тебя швырнули-то? Бутылкой?

Григорий подобрался. Пообещал отрывисто:

– Сейчас покажу.

Он с усилием поднялся и вышел в коридор. Через минуту появился на кухне с белым полиэтиленовым пакетом, внутри которого угадывался некий маленький, но тяжелый предмет. Сел, медля передавать пакет в руки Ярослава.

– Я решил пока оставить это у себя – не отдавать в милицию. Понимаешь, пока не найдено оружие, вину мальчишек можно доказать только частично: нападение – да, сами сознались, а телесные повреждения – как, чем? Я не хочу через пару лет получить на свою голову двух матерых уголовников, которые будут мстить. Хорошо бы их засадили ненадолго – так только, попугали. Я сделаю широкий жест. Тогда они мне еще и благодарны останутся за то, что я их спас от более сурового наказания.

Ярослав с огромным удивлением воззрился на Матвеева:

– Хитрый ты змей! Как сумел все так быстро сообразить, да еще с пробитой башкой?!

– Ну какой хитрый. – Григорий почему-то искренно смутился и оттого продолжал с нотками досады в голосе: – У меня было полно времени до приезда опергруппы, пока я сидел в магазине с перекисью и льдом на макушке. Позвонил знакомому юристу и проконсультировался.

Ярослав рассеянно кивнул. Предмет в целлофановом пакете стянул на себя все его внимание. Появились азарт и собранность: началась настоящая работа! Сквозь непрозрачный пакет он уже почти видел...

– Ясь, там отпечатки пальцев... Будь аккуратен, пожалуйста: не сотри и не наставь своих!

Григорий стоял, опираясь ладонью о стол, и медлил передавать свёрток Ярославу. Говорил он странно замедленно, растягивая слова.

Ярослав успел вскочить как раз вовремя, чтобы подхватить друга под руки и, едва переставляющего ноги, почти что на себе оттащить в комнату. Укладывая Григория на диван, обнаружил, что тот по-прежнему сжимает в ладони свое убийственное сокровище. Несколько секунд, пока Григорий объяснял, что у него кружится голова, что так уже было сегодня и виной тому всего лишь несильное сотрясение мозга, Ярослав смотрел попеременно на телефон – не вызвать ли скорую? – и на стиснутую руку Матвеева. Наконец, скинув замешательство, выхватил, у хозяина таинственный сверток и плюхнулся в глубокое белое кресло.

Обеими ладонями – почтительно – Ярослав обхватил белый пакет, но не торопился разворачивать: осваивался с мощью маленького тяжелого предмета, от которой неподготовленному человеку становится дурно.

Обвел глазами комнату, будто впервые видел. Здесь произошла какая-то серьезная перемена с того последнего раза, когда он был у Матвеева в гостях. Шикарный велосипед, как обычно в сезон катания, торчит посередине. Но ощущение некоторой стесненности пространства – не от него. Журнальный столик сдвинут, тумбочка – почти вплотную к нему... Ярослав оглянулся и восхитился тем, что увидел за спиной. Электрическое пианино. Вот это приобретение! Такие возможности, такой звук!

– Гриш, поздравляю с обновкой, ты так давно о нем мечтал! Когда купил?

– Еще в прошлом году. В конце, – бросил Матвеев довольно равнодушно.

– Ты, наверное, теперь гитару забросил – только на этом играешь?

Григорий почему-то поморщился:

– Я на этом инструменте почти не играю. Звук слишком громкий, перед соседями неловко.

– Можно же отрегулировать?

– Тихо неинтересно, – отрезал друг, всем своим видом демонстрируя, что закрывает тему.

Ярослав с удивлением пожал плечами. Что-то у Гриши не заладилось с этим пианино. Захочет – расскажет. На сегодня загадок вполне достаточно.

Григорий поднялся с дивана:

– Я сейчас.

– Сам дойдешь?

– Да.

Ярослав проследил взглядом: раненый шагал довольно уверенно.

Ярослав сидел под самой форточкой, распахнутой настежь. Любимая привычка Матвеева, которого раздражали малейшие намеки на застой атмосферы. От окна с отчаянной быстротой неся Ярославу в бок сырой, холодный воздух. Следовало накинуть какую-нибудь шерстяную фуфайку, чтобы не продуло, но ему и так было жарко. Он решил воспользоваться отсутствием хозяина и совершил маленькую диверсию: быстро вскочил и прикрыл наружную форточку. Внутреннюю предусмотрительно оставил распахнутой в надежде, что друг не заметит перемены. Вернувшись, Матвеев не взглянул в сторону окна. Ярослав вздохнул с облегчением и продолжил изучение трофея.

Только теперь Ярослав понял, насколько силен в его сознании материалистический образ мира: до сего момента он не верил, что нечто подобное вообще существует на Земле. Тем менее надеялся когда-либо столкнуться с этим лично... Между прочим, такие объекты крайне редко попадают случайно в руки случайным людям.

– Гриша, как ты успел ее подобрать на бегу?

– Ее?

Ярослав задумался: в самом деле, почему в женском роде?

– Эту штуковину.

– Понял. Я вовсе ее не подбирал.

Матвеев почему-то громко расхохотался. Тут же скривился от боли.

– Ну вот, батенька, пролетарьяту уже и повеселиться не дают подлые враги, – прокартавил, очень ярко изображая Владимира Ильича, и пояснил, приподнимаясь на локте: – Она свалилась мне за шиворот! Я обнаружил это, только когда сидел на стуле в магазине: прислонюсь к спинке – что-то мешает.

– А-а! Повезло! – вслух отозвался Ярослав, а про себя подумал: “Все-таки не случайность” – и громко зашуршал пакетом, разворачивая.

Маленький, но невероятно увесистый кусок ноздреватого, темного, очень твердого вещества – не то металла, не то камня, не то застывшей лавы. Размером примерно в половину крупной мужской ладони, он имел правильную, осмысленную форму. Конус, высота раза в полтора больше диаметра основания; острие немного скруглено, как будто долго испытывало на себе воздействие силы трения; у основания конуса – небольшой шарообразный нарост или натёк. В целом, налитой тяжестью монолит, кривоватый, с шершавинами и корявостями, напоминал своей продолговатой формой и размером не успевшую раскрыть чешуины сосновую шишку. В ладонях он быстро согрелся, потеплел, и не поймёшь: к живой природе его отнести или к неживой.

Определенно необычный сегодня вышел день! Ярослав впервые в жизни держит в руках настоящий предмет силы – похлеще любого шаманского бубна или иголки за нагрудничком фартука жрицы культа вуду! Предмет, который по мощности несравнимо превосходит все, когда-либо виденное Ярославом лично! А за каких-нибудь четыре часа до этого эпохального события своей жизни он встретил красивую, сильную женщину, наделенную даром невзначай проламывать пространство, а то и время...

Точно... Ну конечно! Некрупный пробой в энергетической структуре “ЧеНепа” потому и откачивает так много, что является не только пространственным, но и временным...

Забытый им ненадолго Григорий подал недовольный голос:

– Ясь, ты зачем форточку закрыл? Душно!

Между прочим, Гриша полулежал на диване спиной к окну! Ярослав шумно вздохнул и покорно собрался встать, но тут раздался шум, треск удара – форточка сама распахнулась от очередного резкого порыва ветра, стукнулась о внутреннюю, открытую – чуть стекло не разбилось! Запах сырости и озоновой свежести снова ворвался в комнату.

Ярослав ненадолго отлучился из комнаты, а когда вернулся, Григорий уже спал. Лицо разгладилось, смягчилось, стало по-детски светлым. Губы сомкнуты, он тихо дышал крупным, будто у араба, носом. Ярослав растерянно огляделся. В гостиной один диван, лечь больше негде. Жаль: ему хотелось быть поближе к пострадавшему на случай, если тому вдруг станет плохо. Соседняя, смежная с гостиной, комната представляла собой крошечный кабинет: только письменный стол, кресло, шкафы. Оставалась комфортная широченная кровать в спальне Григория. Ярослав секунду колебался, преодолевая неловкость, и направился туда, прихватив с собой “наконечник дротика” и на ходу расстегивая рубашку.

Единственная – Ярослав мысленно взял на заметку этот факт – подушка располагалась с левой стороны широченного ложа, ближе к окну. Он удивился: нужно перекатываться через кровать или обходить ее – почему не лечь ближе к двери? Однако там и устроился. “Дротик” бережно уложил на свободном пространстве в изголовье и заснул, в буквальном смысле, едва донеся голову до подушки. Ушел сразу так глубоко, что, выныривая утром, ни одного сновидения не поднял с собой на поверхность сознания.

* * *

Вера, против обыкновения, заснула очень рано, а утром легко очнулась за полчаса до звонка будильника. Слушала свист и звон весенних синиц. Самая первая мысль после пробуждения: “Вчерашнее происшествие... Ерунда, дичь! Почудилось. Какие елочные фонарики?! Зачем? Жизнь и так чудесна!” Вера открыла глаза. Солнце на голых ветвях за окном, голубеющий кусочек неба. Удивительно, как не схожи дневное сознание и вечернее! Вчера она, как

ребенок, верила в утраченное чудо, сердце переполняли тоска и горе. А сейчас она бодрa и свежа, и не нужны ей никакие подпорки, чтобы чувствовать себя уверенно и комфортно в этой жизни.

Вера потянулась. Жорки уже не было рядом: он уходит на работу, когда жена еще сладко спит. Вечерняя Вера сейчас заныла бы, что уверенности и комфорта недостаточно для счастья. Нынешняя, утренняя, Вера немного напряглась. Счастье? Может, не станем начинать все сначала? В такое хорошее утро! Она еще раз потянулась. Несколько скованное получилось движение. Хорошо, а при чем тут фонарики? Глупая сцена, стыдно так! Как связано вчерашнее сновидение с неизбывной тоской о счастье, для которого почему-то катастрофически не хватает ни взрослого сына, ни доброго, надежного мужа, ни осмотрительных ухажеров, ни умелых – порой! – любовников? Вера лежа откинула одеяло. Резко пробрало холодом. Интенсивный внутренний диалог унес утреннюю беззаботность. Две Веры – утренняя и вечерняя – в процессе оживленной беседы сблизилась, схлопнулись и вновь стали одной – тревожной, неудовлетворенной, но все же бодрой и готовой взять от этой скучной жизни все, что удастся вытрясти из ее закровов.

Она занялась гимнастикой. Просто вчера она ненадолго почувствовала себя маленькой девочкой. Это порой так приятно! А для ребенка нет большего счастья, чем много-много загадочных новеньких блестящих игрушек, и чтобы они сами собой валились в руки... Вера села на краю кровати и стала аккуратно крутить головой...

Расписание этого дня было составлено с таким расчетом, чтобы между двумя лекциями оставалась дырка в одну пару – нормально пообедать без спешки и риска быть затоптанной у входа в столовую толпой голодных студентов. Блаженный час покоя и относительной тишины, когда заветренный свекольный салатик прекрасен, как лучшее произведение ресторанного искусства, а горячая уха вызывает наслаждение сродни эротическому экстазу! Вера уже приканчивала второе, когда к ее столу подошла Мариша Ковалева с полным подносом еды. Стройная и, по Вериным меркам, жутко юная – только двадцать пять справляли в прошлом году, – Марина запросто позволяла себе оливье, мясной борщ с хлебом, компот с булочкой и прочие опасные для фигуры экзерсисы столовского шеф-повара.

– Верочка, привет! – нежно приветствовала приятельницу Мариша. Некоторые совместные увлечения, вроде позавчерашнего девичника, так сблизили этих двух женщин, что они, в нарушение строгих институтских традиций, запросто обращались друг к другу по имени и на “ты”.

– Привет, Ковалева! Рада тебя видеть! Разве ты в этом семестре читаешь по вторникам?

– Нет. У меня в понедельник лекции, в среду – лекция и семинар. Сегодня я здесь, чтобы с научной пообщаться. Тебя вот встретила – тоже хорошо!

– Пишешь свой диссер, Ковалева?

В воскресенье обсуждать рабочую рутину совсем не хотелось.

– С горем пополам. Не везет мне с темой. Научная никак не может четко высказать, чего от меня хочет...

– Я забыла, кто у тебя?.. А! Я такой не знаю...

Обсудили подробности непростой Маришкиной ситуации: специальность, под которую трудно найти совет, научная – старая гримза, у которой десять лет никто не выходил на защиту, интересная тема, по которой материала не существует в природе.

Вера, никогда не стремившаяся обзавестись кандидатской степенью, едва заметно позевывала.

– А как твой старичок поживает? – спросила лениво.

– Да неважно. Тут его подранили – совсем стало тяжело: капризничает, не слушается.

– Подранили?

– Да, неприятная история... Теперь ведет себя кое-как...

- Ты с ним все-таки поаккуратнее. – Вера искренне улыбнулась. – Он такой славный!
- Я знаю. Я стараюсь, но иногда терпения не хватает!

Вера взглянула на большие часы у выхода. Полчаса остается до конца перерыва. Маринка может бесконечно говорить о своих проблемах. Если не перевести беседу в другое русло, они не успеют обсудить главное.

– Мне вчера очень странный сон приснился. – Подойдя к самому интересному, Вера медлила, оттягивала удовольствие. – Тебя ливень не промочил?

– Еще как! – Ковалева оживилась, и Вера с досадой поджала губы: сейчас опять будет долго рассказывать о себе, слова не вставишь! – Я возвращалась после семинара, когда он начался. Стояла на остановке минут десять – ни одной маршрутки. А я усталая, голодная, как зверь. Плюнула, пошла пешком. Надеялась, что успею до дождя. У меня зонта с собой не было, вельветовое пальто. Я вчера испытала на себе, что значит “промокнуть до нитки”. Когда я ввалилась в дом, на мне, в самом деле, нитки сухой не было! Родители так хохотали! Сказали: “Как ты ухитряешься попадать в необычные истории?! Мы в жизни ничего подобного не видели! Будто тебя в реке искупали!”

- Послушай... – Вера замаялась. – А ты видела... Просто сильный ливень? И все?
- Не просто сильный! Ниагарский водопад какой-то!
- Мне под этот ливень приснился сон, – повторила Вера.
- Очень интересно! Расскажи!

Вера сжато описала вчерашнее происшествие. Слушая ее историю, Ковалева успела прикончить обед, и обе поднялись.

- Ничего не осталось? – серьезно спросила Марина. – Ни единой дождинки?

На душе потеплело. Юная приятельница свято верит в сверхъестественное, которое для нее реальнее любых повседневных происшествий обыденной жизни. Уютнее жить в детском мире волшебства.

– Не знаю... – протянула Вера. – Мне интересно, почему я стала путать сон и явь. Может, от усталости? Или у меня психоз?

Вера с усилием толкнула массивную столовскую дверь.

– Нет, Верочка, я не думаю, чтобы тебя постигло психическое расстройство. Ты роскошно выглядишь, вид цветущий!

- Спасибо! Такой комплимент вдвойне приятно слышать от женщины!

Вера была по-настоящему польщена. Ковалева – модница с современными вкусами и честная девочка – врать во имя комплимента не станет.

Раздался звонок. Вера невольно вздрогнула. Улыбка сбежала с лица. Через десять минут – на галеру. Сотни полторы “платников” – слабо мотивированных, нахальных, расхлябанных юнцов и девиц, которых можно и собрать, и построить, и заставить слушать раскрыв рты... Только для этого приходится в течение четырех академических часов плясать на ушах!

Сверху послышался многоголосый щебет и топот множества ног по лестнице: студенты неслись в столовую.

- Верочка, в сторонку, а то сейчас сметут!

Марина нежно приобняла приятельницу за плечи и отодвинула с прохода. Вера про себя беззлобно усмехнулась: не может девочка не руководить! Даже не задумывается, что старшая и более опытная в вузовских коридорах подруга сама в состоянии сообразить, когда и как увернуться от резвой студенческой толпы, теряющей остатки разума по пути от аудитории до столовой. Маришка автоматически придерживается убеждения, что только она способна обо всем и обо всех как следует позаботиться. Вот невестка кому-нибудь достанется!

– Что это? – Ковалева провела ладонью по Вериному плечу, деликатно коснулась груди. – В чем у тебя джемпер?

– Не знаю. А что там? – Вера опустила голову и скосила глаза вниз, стараясь разглядеть при тусклом освещении, какой непорядок приключился с ее одеждой.

– Он мокрый как будто. Вот, вот же, отблескивает, видишь? А на ощупь совершенно сухой!

Вера провела рукой по вязаному полотну и слегка вздернула брови: все вроде нормально. Однако Марина продолжала выразительно пялиться на ее грудь, так что Вера забыла о толпившихся вокруг студентах и неприлично потянула джемпер, ухватив его на самых выдающихся местах. Сердце екнуло: поверхность поймала случайный луч света из окна и блеснула серебром. Вера снова аккуратно провела по ней пальцами, изучая ощущения. Шерсть пополам с синтетикой. Сухая. Только почему-то холодная. Взволнованный голос Марины будто разбудил ее:

– Этот отблеск тебе ничего не напоминает?

– Люрекса здесь нет. Я терпеть не могу дешевки с люрексом!

– Ну разве это похоже на люрекс?! – укорила молодая приятельница. – Скажи, ты в этом свитере была вчера на балконе?

– Я надела халат... Да, поверх свитера.

– Подумай, вспомни. – Речь Ковалевой приобрела размеренность и властность. Именно так подруга вещала на особых посиделках, когда наступала ее очередь развлекать других. Одного лишь виртуозного владения голосом было достаточно, чтобы Маринка снискала уважение в глазах Веры!

– Подумай, вспомни: дождь, потоки воды, фонарики из фольги с длинными нитями, ты прижимаешь их к груди... Они мокрые?

– Да! Они были мокрые, с них лилась вода. Я стряхивала ее, прежде чем...

– Не стирай эту вещь, – сказала Марина с мягкой улыбкой, настойчиво и торжественно, – сохрани подарок от Создателя сновидений!

У Веры заколотилось сердце. Девочка, конечно, играет. Со старшей подругой, с самой собой, с волшебством. Совсем скоро непонятному оптическому эффекту найдется простое и скучное объяснение. И все же, почему бы не счесть отблеск воды на поверхности давно просохшей одежды добрым знаком?

– Спасибо, Мариш, ты меня порадовала! Значит, все-таки есть на свете чудеса?

– Есть, – ответила девушка абсолютно серьезно.

– Ладно, рада была тебя видеть. Пойду. Мне надо успеть подняться на одиннадцатый этаж до звонка. Сейчас проверки идут – ты об этом знаешь?

– Да, знаю: следят, чтобы препода приходили в аудиторию вовремя. Пойдем вместе до лифта: мне на первый этаж. Я тоже была очень рада с тобой пообщаться!

Они успешно просочились сквозь густую упругую студенческую массу, весело гроыхавшую голосами, хохотом, непрерывными проигрышами мобильных телефонов.

Около лифтов тоже было многолюдно, но они располагались в торце коридора, прямо у огромного, еще не мытого после зимы окна. Вера опустила глаза и в белом свете дня увидела свою одежду такой, какой сегодня утром сняла ее со спинки стула: красивый, пестрый джемпер тонкой вязки – безо всяких признаков промокания и водяной пленки на поверхности. Быстро перевела взгляд на Марину, собираясь сказать: “Вот и кончилось волшебство!”, но тут темные автоматические двери прямо перед ней раздвинулись. Стоявшие рядом люди слегка посторонились, пропуская выходящих. Над дверью горела зеленая стрелка, направленная вниз. Ковалева наскоро обняла подругу и, как только кабина опустела, шагнула вперед. Уже внутри лифта, уворачиваясь от запыленно влетающих вслед за нею пассажиров, обернулась:

– Счастливо, Верочка! Помни о нашем деле!

– Пока, Маринка! Старичка своего береги, не обижай!

– Постараюсь!

Темные двери поползли навстречу друг другу. Марина подняла руку в прощальном жесте. Тонкие девичьи пальцы, узкая ладонь, обнажившееся предплечье, сгиб локтя – вся кожа блестела серебром, будто рука была погружена в толщу воды, пронизанной лунным светом. Так же странно светилось Маринино лицо. Двери лифта со скрежетом сомкнулись.

Рядом, наоборот, открылся новый проход, и Вера шагнула под зеленую стрелку, указывавшую вверх.

* * *

Он начал медлительно возвращаться к реальности, когда сквозь сомкнутые веки забрезжил серенький рассвет. Приятное, волнующее тепло с правой стороны касалось его голого плеча, бока, дразнило под одеялом у бедра. Такие ощущения может дарить лишь разгоряченное и размягченное сном женское тело. Ярослав отчетливо почувствовал, как упругая и бархатистая кожа ластится к его подмышке, нежной петлей обвивает ногу. Его организм отреагировал раньше, чем сознание, и только тут Ярослав выскочил из блаженной дремоты и окончательно проснулся. Глаза намеренно зажмурил поплотнее. Вместе с сознанием и вслед за другими, более древними функциями организма в нем проснулся азарт исследователя.

Прежде всего Ярослав похлопал ладонью по правой половине кровати. Она, как и следовало ожидать, оказалась пустой. Ощущение близкого присутствия обнаженной женщины стало более размытым, но не исчезло вовсе. Ему даже почудилось, что в воздухе витает слабый, приятный аромат легкой парфюмерии – не духов, скорее туалетной воды или дезодоранта. Продолжая исследование, Ярослав настроился на энергетику незримой гостьи. Может, какой-нибудь неприкаянный дух его морочит? Нет, безусловно, живой человек. Точнее, его, то есть ее астральная проекция. Ярослав легко считывал энергетическую структуру. Однако черты лица ее хозяйки расплывались, и имя не шло на ум. Он не впервые сталкивался с подобным феноменом: женщина, с которой находишься в связи – особенно если связь очень уж хороша! – может незримо, но явственно присутствовать в постели, даже пребывая в этот момент на расстоянии сотен и тысяч километров. Но прежде в таких случаях Ярослав всегда сразу точно знал, какая прекрасная дама удостоила его тайным визитом. Сейчас он терялся в догадках. Женщина казалась чужой. Разве что типаж... Довольно чистая, светлая энергия, сила несколько неравномерно перераспределена в пользу верхних центров. Этакая утонченная художественная натура, которой два высших образования не мешают изящно одеваться; от запаха выгребной ямы падает в тяжелый обморок. Впрочем, возможны многочисленные вариации характера. Тип энергетики ясен – и только! “Я с ней не спал”, – уверенно заключил Ярослав. Тут сознание наконец прояснилось окончательно, и Ярослав сообразил, что лежит в чужой постели. Гостья, следовательно, приходила не к нему.

Ощущение энергетического присутствия между тем бесследно рассеялось. Ярослав не успел разглядеть мысленным взором внешность героини – да и ни к чему! По дороге в ванную он с удивлением подумал, что у Матвеева, оказывается, с личной жизнью на данный момент все в порядке. “Н-да, любовные дела, семейные истории, прочая дребедень – не мой конек! Предполагал одно, а все наоборот.”

Охаживая свое тело колючими, ледяными струями душа, Ярослав внезапно расхохотался и вслух пробормотал:

– Извини, Гриш! Не понял я сразу! Я ведь все-таки с ней не... Почти – не считается!

Григорий глубоко спал, вопреки своему обыкновению пробуждаясь с восходом. Ярослав бесшумно скользил по квартире, стараясь не тревожить пострадавшего. На кухне, чтобы не греметь посудой, всухую пожевал сыр и хлеб. Вернулся в спальню: решил снять постельное белье, на котором нагло дрых всю ночь. Тем более что оно выглядело сильно несвежим. Григорию нельзя много двигаться, значит, надо помочь ему – заново застелить кровать. Он сразу нашел в объемистом трехстворчатом шкафу отделение с постельными принадлежностями, принялся их перебирать, отыскивая широкую простыню. Попадались почему-то все время полуторные

– старые и застиранные. И это – в квартире, современно и со вкусом обставленной! Ярослав удивился. Женщина – утреннее видение, куда она-то смотрит?!

Безуспешные раскопки открыли его взору самое дно глубокого ящика. Оно было выстлано широкоформатным темно-зеленым пакетом, под которым угадывалось нечто мягкое. Ярослав решил, что сейчас обнаружит искомое, и приподнял угол пакета. Аккуратно сложенная, в отличие от скомканных и перемешанных пододеяльников, простыней, наволочек, женская ночнушка – очень короткая, на тонких бретельках. Прямо посередине груди – трогательная парочка пушистых мультяшных зверушек и надпись: “Love is where you find it”. Рядом с ночнушкой – стрейчевые брючки в мелкую светло-серую клеточку. Ярослав неподвижно созерцал эти сокровища. “Похоже, его девчонке нет и двадцати! Ничего себе!.. Может, это дочкино?” Дочь приезжала к Матвееву в гости пару лет назад. Но нет: одежда была дешевенькая, китайская, с рынка, а не добротная, из Австралии; кроме того, вещи окружала уже знакомая Ярославу аура.

Он быстро вернул на место и разгладил зеленый целлофан, завалил его сверху ворохом постельного белья. “Не мое дело. Я ничего не видел. Сам скажет, где и что взять”. Ярослав слез со стула, на который взгромоздился, чтобы порыться в ящике. Щеки пылали от смущения так, что хоть лучины о них зажигай. Но к пробуждению Григория он успел прийти в себя.

– Гриша, я так и не въехал вчера, почему ты решил обратиться ко мне. Пойми правильно: я только рад! Но в чем ты видишь мою роль? У тебя юристы знакомые, и милиция вроде хорошо к тебе отнеслась. Преступников отловили. Что я могу для тебя сделать... как... как специалист?

Матвеев медлил с ответом, и Ярослав напряженно ждал: от того, что скажет Гриша, зависели и дальнейшие действия, и степень откровенности, с которой Ярослав станет их объяснять Григорию.

Тот заговорил с растяжкой и расстановкой, взвешивая каждое слово:

– Ясь, я знаю, чем ты занимаешься. Я не люблю об этих вещах говорить... – Звенящие интонации злости и страдания в голосе. – Я даже стараюсь о них не думать... Но что-то такое, видимо, есть... По-моему, эта штука... Она не просто ... камень...

– Магический предмет, ты хочешь сказать? Предмет силы? – не выдержал Ярослав.

– Я подумал: может, на меня охотится какая-нибудь секта?.. Я хочу, чтобы ты сказал, действительно ли этот предмет обладает особой силой! – закончил Матвеев решительно.

“Ах старый внешторговый лис! Вот почему ты не отдал “дротик” милиции!” – про себя прокомментировал Ярослав и вздохнул: ну не может человек выложить все сразу напрямую – даже близким людям, даже давнему другу. Такой характер, такая выучка. Не понять, но и не переделать! Приходится принимать как есть.

– Предполагаешь, что секта позарилась на твои средства, квартиру и решила тебя извести посредством магического предмета, похожего на ритуальное оружие?

Григорий едва заметно вздрогнул, пожал плечами.

– Вряд ли. Ты, Гриша, извини, не такая уж крупная дичь.

Григорий кивнул. Спросил напряженно:

– Ты уже готов мне что-то сказать про этот предмет?

– Да. Этот предмет обладает особой силой. Ее природа мне пока не ясна. Ты хочешь узнать, кто, с какой целью и каким образом пытался применить его против тебя?

– Я хочу узнать, кто на меня напал и зачем. И какое воздействие оказывает на человека эта штуковина. Ясь, ты поможешь мне в этом разобраться?

– Конечно помогу!

У Ярослава в голове уже роилось множество соображений. Он не имел представления, как считать информацию с предмета такой мощи. Чистая энергия, которая изливалась из “дротика”, смывала все следы. Ярослав решительно не видел, чтобы с ним были связаны какие-

то черные замыслы, не слышал запаха агрессии. Вообще, впечатление было такое, будто “дротика” почти не касались человеческие руки, и он в буквальном смысле свалился с неба. Как долго держал это орудие при себе глупый пьяный пацан – между прочим, глупый ли, пьяный ли, еще предстояло уточнить, – держал прежде, чем швырнуть вдогонку утекающей добыче? “Дротик” нес на себе лишь четкий энергетический след Григория – ведь был залит его кровью.

– Гриша, я понял задачу. Мне нужно провести исследование ... в лабораторных условиях, – произнес Ярослав, с непривычной тщательностью подбирая слова. – Можно я возьму это с собой?

Григорий помедлил. Ответил напряженно:

– Да. Да, конечно, бери.

Было видно, что решение далось ему с трудом. Ярослав тепло улыбнулся, глядя другу в глаза:

– Спасибо за доверие!

– О чем ты говоришь, Ясь? – отвечал Матвеев светским тоном. – Конечно, я тебе доверяю. Ты только отпечатки пальцев не сотри. И мою кровь. – Он наконец тоже улыбнулся.

Перед уходом Ярослав тщательно проделал все необходимое, чтобы защитить квартиру и ее хозяина от злоумышленников. Даже нарисовал в некоторых местах охранные руны, к чему прибегал только в особо тяжелых случаях. Однако в процессе работы Ярослав никак не мог почувствовать ни отдаленного присутствия, ни коварных намерений тех сил, что предприняли атаку на Григория прошлой ночью. Этот факт тревожил: неужели противник столь мощен и виртуозен, что Ярослав не в состоянии распознать даже следов его присутствия?! Подумал: не позвать ли Григория к себе – пожить, пока ситуация не прояснится. Но враг, если таковой существует, вчера потерпел неудачу и в ближайшие несколько дней не рискнет повторить налет. За это время Ярослав должен разобраться в происходящем!

Уходя, он поинтересовался у Григория:

– Тебе кто-нибудь поможет по хозяйству?

– Мне ничего не нужно.

– А готовить?

– Я справлюсь! – произнес Матвеев с киношным пафосом и добавил “под Ильича”: – Вы, батенька, полуфабрикатов мне заготовили на десять лет вперед. Я непременно справлюсь!

На том и распрощались. Ярослав подивился поначалу, что Гриша определенно не желает привлекать на помощь свою девушку. Потом решил, что не в характере Григория предстать перед молодой особой женского пола слабым, беспомощным, короче – уязвимым... Стало грустно.

Расстались тепло, с взаимными изъявлениями благодарности и добрыми пожеланиями. Печаль не отпускала: Ярославу остро захотелось, чтобы сейчас было лето, маленький лесистый необитаемый остров посреди рукотворного моря, плеск воды у забытого удилища, жар костра, Настька, сосредоточенно помешивающая в котелке уху, и чтобы дядя Гриша, настраивая гитару, подбадривал ее возгласами вроде: “Работай, старайся! У нас на корабле пассажиров нет! Все – члены команды!” А потом громко, со звенящим водным резонансом запел бы что-то из Пресли или Вертинского.

“Так и будет!” – решил Ярослав, садясь в машину. “Адын, савсэм адын!” – охарактеризовал фразой из старого анекдота не то положение Григория, не то свое – и развеселился.

Закрывая дверь за Ярославом, Григорий услышал звонок городского телефона. Боясь делать резкие движения, медленно направился в кухню. Если и не успеет – не страшно: всегда сможет перезвонить сам. Он и впрямь опоздал: призывные трели телефона смолкли. Однако номер не определился: должно быть, набирали с сотового. Ну и ладно, главное, что это не родители: те, разумеется, звонили бы с городского и, зная о происшедшем, сразу разволновались бы: как там сын, почему не подходит. Григорий поморщился, размышляя о том, что надо

звонить родителям, отвечать на бестолковые взволнованные вопросы матери и бороться с ее паническими комментариями в духе “Московского комсомольца”. В это время подал голос мобильник. Не зарегистрированный в списке и незнакомый номер. Любопытно, кто бы это? Григорий принял вызов.

– Але!.. Слушаю вас!.. Говорите, вас слушают!..

Он бодро выкрикивал в трубку стандартные фразы. Подобные ситуации всегда наполняли его азартом: кто там прорежется наконец в невидимой дали и с чем пожаловал? Однако на сей раз его любопытству не суждено было получить удовлетворение: запиликал отбой.

Резкий звук болезненно отдался в раненой голове. Григорий похолодел. Что за таинственные звонки с утра пораньше? Кто-то проверяет, жив ли он, дома ли он? Страх сковал ладони. Он едва разжал пальцы, чтобы выпустить из них телефон, который со стуком опустился на деревянную столешницу.

Григорий нахмурился и зло сжал губы. Привет от “Московского комсомольца”! Со вчерашнего для его трясет из-за обыкновенной уличной драки!

Ясь обещал, что все будет в порядке... А можно ли доверять Ярославу? Он – хороший, добрый и порядочный мальчик. Но какой он специалист? Ясь молод, у него бездна амбиций и нет высшего образования, у него ветер в голове, он прежде носился с такими завиральными идеями... В чем состоит его метод? Если Ясь дурит людей, то обманывает и самого себя... Глупости! Григорий слышал такие хвalebные отзывы о работе парня из самых независимых источников, от скептиков, от профессионалов в области охраны!..

На душе немного полегчало.

Не мужское это дело – жить и бояться!

* * *

Марина влетела в аудиторию за минуту до звонка. Вера совсем не ожидала вновь увидеть ее так скоро! Добродушно сыронизировала:

– Ковалева, вот и ты! Сколько лет, сколько зим!

Подружка смотрела без улыбки. Лицо бледное и встревоженное, взгляд жесткий, требовательный. “Ну и характер! – в который раз подумала Вера. – Если не заставит сделать по-своему, так убьет!” Подумала отвлеченно: о ком-то другом – не о себе. Сама Вера ковалевских сверкающих глаз не боялась: чувствовала, что находится в другой весовой категории – возраст, жизненный опыт, семейное положение. Делить им нечего! Она скорее сочувствовала Маринке: плохо женщине жить с таким характером, не полезно!

– Что случилось, Мариш?

– Мне опять эсэмэска пришла!

Вера, уже настроившаяся на лекцию, а потому острая и ироничная, в последний момент прикусила язык, чтобы не спросить: “Неужели? Это такая редкость?”

– Анонимная? С угрозами?

– Вот, почитай!

Марина протянула ей простенький серебристый “слайдер”. Вера взяла в руки телефон, прищурилась, чтобы разобрать мелкие буквы: “Весна. Твой сон хрупок, не так ли? Знаешь, что и тебе не избежать жестокой раны! Тебе чего-то не хватало? Жди! Скоро мало не покажется!”

У Веры холодок пробежал по спине. Мелькнула трусливая мысль: “Надо бы держаться от Ковалевой подальше: еще неизвестно, чем отрикошетит дружба с этой девушкой и близкое знакомство с ее маленькими секретами!” Тут же и устыдилась, и успокоила себя: “Мало ли кто с кем дружит! Не угадаешь, не рассчитаешь, не убережешься!” Одного только слишком тесного знакомства с таинственным Ярославом было достаточно, чтобы жить в постоянном страхе за свою безопасность! В любом случае Вера совершенно не представляла, как прокомментировать происходящее. Произнесла задумчиво единственное, что пришло в голову:

– Больше похоже на предупреждение, чем на угрозу...

– Не знаю, – тревожно отозвалась Марина. – Я была уверена, что со старичком приключилась простая неприятная случайность. А теперь...

Оглушительно зазвенел звонок.

– ...Я ума не приложу, что и думать! – договорила Марина и торопливо добавила: – Все, Верочка, извини, что опять тебя тереблю своими проблемами. У тебя уже лекция. Я побежала!

– Постой! Видишь, они еще несколько минут будут собираться. Скажи мне, это которая по счету?

– Эсэмэска? По-моему, пятая. Или четвертая. Я не помню точно. Надо посчитать.

– Когда началось? Когда ты получила первую?

– Прошлой весной. Год назад. По-моему, примерно в такое же время. Потом осенью. Лето я жила спокойно, забыла обо всем...

– У кукукнутых обострение бывает весной и осенью. Вот, опять весна.

– Да, но еще одна пришла перед Новым годом.

Студенты шумно рассаживались: гремели стульями, шуршали пакетами, грохали о стол толстыми тетрадами в твердых переплетах. Девушка, воровато косясь в сторону кафедры, разворачивала фольгу и громко ломала шоколадку. На все аудиторию распространился запах расстворимого кофе: кто-то держал под столом пластиковый стаканчик из автомата.

Простая и светлая мысль озарила Веру.

– Ковалева, ты их сохранила?

– Не все. Только предыдущую. И вот эту сохраню. А те... Мне было так неприятно, что я их стирала.

– А не обратила ли ты внимания, может быть, приход эсэмэсок как-то связан по времени с нашими посиделками?

Марина удивленно подняла брови.

– Не знаю. Летом вовсе не было. А в остальных случаях... Надо вспомнить! Спасибо, Верочка! Побегу, а то меня уже совесть мучает, что ты из-за моих проблем лекцию вовремя не начнешь!

– Не забудь сообщить мне о результатах своих размышлений! – улыбнулась Вера.

– Огромное спасибо еще раз! Ты меня привела в чувство! Пока, Верочка!

“Интересно, – соображала Вера, раскладывая на кафедре затрепанные листочки с текстом лекции, который она воспроизводила уже пятнадцать лет. Давно пора бы обновить лекции или хотя бы распечатать по новой листочки, но к первому не было стимула, а до второго руки не доходили. – Интересно, почему из всех участниц посиделок только Марина получает анонимки неприятного содержания?” Вера, сделав вид, что поворачивается к доске, трижды плюнула через левое плечо и постучала по деревянному коробу кафедры. “Впрочем, если другие не жалуются, это не означает, что они ничего не получали. Надо будет позвонить остальным, спросить”.

– Здравствуйте, рада всех видеть! Мне приятно, что вы пришли в такое трудное для занятий послеобеденное время! Надеюсь, что вас вдохновит сегодняшняя тема: “Физиология сексуального развития”.

Студенты обрадовались, оживились. Обрадовалась и сама преподавательница. Она-то, автоматически вытащив из папки листочки, на которых лежала закладка, и не заметила, что достала свой любимый материал! Он выигрышный, молодежь всегда принимает его на ура. Вера расслабилась и непринужденно погрузилась в пучину, имя которой “аудиторная работа”.

* * *

Покидая дом Матвеева, Ярослав задержался в подъезде, точнее, в тамбуре между двумя входными дверями. Надежно укрытый от посторонних глаз, он поднял обе руки и возвел энергетическую защитную мембрану. Тонкая энергия текла легко и мощно. В темноте – лампочка здесь не горела – он почти реально увидел золотистое свечение. Для верности повторил про

себя: “На эфирном уровне...” Густое, тяжелое, однотонное свечение. “На астральном...” Золотистый свет становится будто сотканным из тонких нитей. Они разного качества, разной толщины, разных оттенков. Они сплетаются в сложный и четкий узор. “На ментальном...” Ментальная энергия – очень светлая, беловатая, будто выцветшие от зноя полуденные лучи. Ее нити так тонки, что не разглядеть ни узора, ни структуры их переплетения. Похоже на вуаль, невестину фату... Ярослав скоро почувствовал, что защитный занавес насытился энергией до предела. Еще находясь в квартире Григория, он проделал то же самое со стенами, полом, потолком, окнами. Сделано все, что возможно! Он ещё любил выдать клиенту предметы уровня примитивной деревенской магии – вроде четверговой соли или заряженной водички, чтобы самостоятельно ими пользовался, включился в процесс самозащиты. С Гришей такой метод не подходит.

Все. Он вышел на крыльцо. Яркое солнце еще не коснулось этого укромного уголка двора. Ярослав поспешил покинуть холодную, тяжелую тень восьмизэтажного дома. С наслаждением пожмурился в солнечных лучах. Неожиданно подумал, что если весна и дальше будет такой дружной, то можно будет выпустить на участок Скинхеда: пусть голое мерзлявое животное тоже прогреется на солнышке и пощиплет зеленой травки!

Открывая дверцу машины, Ярослав поднял глаза на уровень седьмого этажа. В детстве мама, если не была в смене, обязательно смотрела в окно, провожая его в школу. Привычка отыскивать взглядом знакомые окна почему-то сохранилась на всю жизнь. На сей раз холодно блеснули пустые стекла. Григорий ненавидел всяческие шторы и занавески, поэтому окна его жилища, в отличие от других, не пестрели нарядно, а угрюмо смотрели темными провалами.

“Блин, надо ему повесить тюль и плотные шторы, да поскорее, как бы ни брыкался! – подумал Ярослав. – И предупредить, чтобы не подходил... Бред! Полная глупость! Угловой корпус так близко: крыша, окна квартир. Если этим путем до сих пор никто не воспользовался... Не то я делаю. Все не то!.. Примитивной угрозы Гришиной жизни не существует. Нет ни снайперов с винтовками, ни наблюдателей с биноклями. Никому он на хрен не нужен – директор крошечной фирмочки, в которой весь персонал – четыре человека. Да он зарабатывает столько, что до сих пор снимает вместо дачи деревянную хибару без удобств и ездит на машине, которой лет десять...”

Определенные накопления у Матвеева, конечно, были, и Ярослав об этом знал. Накопленный этих хватило бы на покупку роскошной квартиры в элитном доме, нормальной дачи, престижного авто – если бы не Гришин консерватизм. И только. Что-то он регулярно отправляет в Австралию, детям. Ради всего этого любая секта может попытаться охмурить одинокого человека. Но при чем здесь убийство? Да еще ритуальным оружием необычайной силы? Если это оружие, конечно, а не предмет, способный оказывать, например, психотропное воздействие. Тоже, кстати, оригинальный подход: треснул по башке со всей дури – вот тебе и психотропное воздействие!

Что-то пошло не так с этим нападением: великая сила не обрушилась на Григория всей мощью, а лишь “приласкала” слегка и осталась в его руках. Натолкнулась на защиту? Разумеется: Ярослав всегда держал под защитой близких людей. Но его силы не хватило бы, если бы “дротиком” грамотно и целенаправленно воспользовались. Значит, пользовались неграмотно и бесцельно? Хотели только временно выбить из колеи, устранить от активной жизни и стукнули для этого, за неимением под рукой пустой бутылки, предметом силы?

Еще вариант. Тупые конкуренты хотели тупо попугать. Наняли не менее тупых исполнителей, у которых в руках случайно оказался магический “дротик”... Восхитительная чушь! Нет у Матвеева конкурентов. Его фирма занимает свою нишу. Без Гришиных знаний и уникального опыта в этой сфере бизнеса нечего делать... Да тут и рассуждения не нужны! Видно, слышно: в пространстве чисто, не существует никаких конкурентов! Сам Григорий на вопрос Ярослава твёрдо ответил, что никого конкретно не подозревает.

Ярослав вырулил со двора и остановился: прежде чем искать ближайшее отделение милиции, хотел завершить размышления.

Те элементарные соображения, которые стремительно разворачивались сейчас в его сознании, не сумели родиться вчера только по причине сильной усталости.

Итак, материальные ресурсы, которыми обладает на данный момент Матвеев, могут заинтересовать лишь примитивных бандитов и аферистов. А примитивных Ярослав давно бы заметил, считал и раскусил. Если уличная драка с применением уникального предмета силы не была все-таки удивительной случайностью, то за ней стоят персонажи, которые по силе равны Ярославу или превосходят его. Следовательно, и ставка в игре куда более высока, чем можно предположить, подсчитывая матвеевские доходы.

Покрутив с разных сторон тему матвеевского бизнеса, Ярослав не почувствовал интуитивного отклика. Личные дела и связи? В пространстве слабо затеплилась некая широкая и весьма размытая область.

“А может, это женская месть?!” – вдруг родилось романтическое предположение. Ярослав не успел усмехнуться: в пространстве вновь потеплело! Он рванулся уточнять – снова глухо, как в вату, стали падать его вопросы, почти не вызывая ответных колебаний. “Это сделала женщина?” Тишина, похожая на “вряд ли”. “Это связано с женщиной?” – “В некоторой степени”. “Попытка мести?” – “В некотором роде. Не совсем”. “Месть покинутой женщины?” – “Нет”. “Неудачливого соперника?” Стало совсем холодно. Пустота. У Ярослава больше не складывалось вопросов; пространство лежало перед ним открытое, гулкое, холодное и не торопилось на халяву сыпать ему на голову небесную манну ответов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.